

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ПЕРЕВОДА
КАФЕДРА ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

Направление: 45.04.02 – Лингвистика

Программа: Теория перевода, межкультурная и межъязыковая коммуникация

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**ДОМЕСТИКАЦИЯ И ФОРЕНИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ РЕАЛИЙ ПРИ
ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И
МАРГАРИТА» И СЕРИИ РАССКАЗОВ А.К. ДОЙЛА О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ)**

Работа завершена:

магистрант II курса

группы 04.3-715

«___» _____ 2019 г.

_____ А.В. Луконина

Работа допущена к защите:

Научный руководитель

канд. пед. наук, ст.преп.

«___» _____ 2019 г. _____ К.О. Просюкова

Заведующий кафедрой

док. фил. наук, доцент

«___» _____ 2019 г. _____ С.С. Тахтарова

Казань 2019

Содержание

Содержание.....	2
Введение	3
Глава 1. Теоретический аспект понятий доместикации/форенизации и культурных реалий.....	6
1.1. Взгляды лингвистов на стратегии форенизации и доместикации	6
1.2. Переводческие приемы, обусловленные доместикацией / форенизацией	13
1.3. О понятии «культурная реалья»	21
Выводы по главе 1	29
Глава 2. Анализ переводов художественных произведений с точки зрения применения стратегий форенизации/доместикации	31
2.1. Анализ романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита».....	31
2.2. Анализ повести и рассказов А.К. Дойла о Шерлоке Холмсе	47
Выводы по главе 2	60
Заключение.....	62
Библиография	64
График количественной информации о найденных реалиях в романе «Мастер и Маргарита».....	70
График количественной информации о найденных реалиях в повести «Этюд в багровых тонах» и рассказах «Приключения голубого карбункула» и «Скандал в Богемии».....	71

Введение

Зачастую процесс перевода подразумевает столкновение двух, порой довольно несхожих, культур. Особенно ярко оно выражается при переводе художественных текстов, целью которых является демонстрация культурного потенциала нации автора. Именно по этой причине используемый в подобных текстах язык отличается определенной структурой, изобилует специфичными понятиями, присущими в той или иной степени только языку оригинала. Все это приводит к тому, что при переводе велика вероятность появления смысловых ошибок, различных опущений, неадекватных замен, расширений авторского текста и т.д.

В таком контексте перед переводчиком встает особо важная задача – передать в своем трансляте «дух» оригинала, дать понять реципиенту о том, что воспринимаемый им текст – это отражение культуры языка автора. Для этого переводчик вынужден прибегать не только к определенным переводческим приемам и трансформациям, но и сделать выбор в пользу определенной стратегии – доместикации или форенизации.

Данный выбор был и остается одним из самых острых в переводоведении. Именно поэтому **актуальность** нашего исследования довольно очевидна: в лингвистической среде не существует однозначного ответа на вопрос о том, какой стратегии нужно придерживаться, ведь аргументы и «за», и «против» доместикации или форенизации довольно сильны, что делает невозможным в каждом конкретном случае перевода сделать четкий выбор – он будет зависеть как от самого переводчика, так и от принятых в его стране норм. Проведенное нами исследование особенно актуально в контексте проходящих в нашу эпоху процессов глобализации, стирающих культурных границы и приводящих к унификации языков.

Что касается **научной новизны** результатов исследования, то стоит отметить постоянное развитие существующих подходов к исследуемой проблеме,

требующих составления новых расширенных классификаций культурных реалий, выделения более актуальных переводческих приемов и, как следствие, приведения свежих аргументов в пользу применения доместикации/форенизации.

При этом **объектом** нашей научно-исследовательской работы является перевод культурных реалий на материале переводов английского и русского художественных текстов, а в качестве **предмета** исследования выступают доместикация и форенизация культурных реалий как переводческие стратегии.

Цель данной работы состоит в анализе и сравнении особенностей использования доместикации и форенизации при переводе культурных реалий, встречающихся в переводе на русский язык рассказов Артура Конана Дойла о Шерлоке Холмсе, а также в переводе на английский язык романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Для ее достижения нами были поставлены следующие **задачи**:

1. рассмотреть понятия доместикации и форенизации как переводческих стратегий и выявить отражающие их использование переводческие приемы;
2. дать определение понятию «культурная реалия»;
3. составить классификацию культурных реалий для ее последующего применения в ходе анализа переводов художественных текстов;
4. произвести выборку культурных реалий в определенных для целей исследования художественных текстах;
5. произвести сравнительный анализ использования доместикации и форенизации английским и русским переводчиками.

Для успешного достижения поставленных цели и задач были использованы такие **методы**, как сбор, изучение, теоретический анализ и обобщение научной литературы, анализ и синтез, описательный метод, метод сплошной выбор-

ки, свод информации, а также наиболее целесообразный в сопоставительных исследованиях метод сравнительного анализа практического материала.

В качестве **теоретической базы** нам послужили труды таких зарубежных исследователей в данной области, как Фридрих Шлейермахер, Лоуренс Венути, Юджин Найда, Питер Ньюмарк и др., а среди отечественных лингвистов отметим Г.Д.Томахина, Барри Томалина и др.

Фактической базой стали перевод на английский язык романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также перевод на русский язык повести «Этюд в багровых тонах» и рассказов «Приключения голубого карбункула» и «Скандал в Богемии» А.К. Дойла.

В целом, **теоретическая значимость** данной работы заключена в попытке обобщить существующие взгляды языковедов, а также практикующихся в этом жанре переводчиков, чтобы выделить некоторые ключевые моменты и особенности перевода культурных реалий, встречающихся в художественных текстах.

Практическая же ценность исследования определяется возможностью использования представленных материалов переводчиками при разработке собственной стратегии перевода художественного текста, чтобы избежать распространенных ошибок и учесть все тонкости переводческого процесса.

Апробация. Основные положения настоящей исследовательской работы были опубликованы в сборнике научных трудов «Terra Linguae».

Структура работы. Данная работа состоит из введения; теоретической части, посвящённой понятиям доместикации/форенизации и классификации культурных реалий; практической части, содержащей сравнительный анализ переводов; заключения, библиографии и двух приложений.

Объем работы: 71 с.

Глава 1. Теоретический аспект понятий доместикации/форенизации и культурных реалий

1.1. Взгляды лингвистов на стратегии форенизации и доместикации

Применение различных стратегий при переводе художественной литературы уже долгое время является предметом споров как теоретиков, так и практикующих переводчиков. В большей степени дебаты сконцентрированы на двух противоположных подходах, оценка целесообразности которых различалась в зависимости от этапа развития лингвистики и переводоведения, а также от переводческих школ разных стран. Речь идет о таких понятиях, как *форенизация* и *доместикация*.

Дихотомия этих двух понятий находит свое отражение в противоборствующих позициях переводчиков касательно буквального (или дословного) и вольного перевода, а также нахождения некоей «золотой середины» между этими двумя стратегиями. В свою очередь, описанная полемика звучит еще в работах Цицерона (106-43 гг. до н.э.), в которых оппозиция «вольный перевод – буквальный перевод» обнаруживается впервые, и святого Иеронима (347-420 гг. н.э.), который при переводе Ветхого Завета с греческого языка на латынь говорит о необходимости передачи смысла, а не дословного калькирования [49].

Тем не менее, связанные с вышеуказанными стратегиями понятия *доместикации* и *форенизации* были введены в переводоведение во второй половине 1990-х годов американским теоретиком перевода Лоуренсом Вентути в работе «Скандалы перевода: по направлению к этике различия» [39].

Доместикация является такой переводческой стратегией, при которой чужеродность переводимого текста сводится к минимуму, максимально адаптируясь под читателя транслята. Таким образом, текст выглядит привычным, а иностранная культура – ближе к собственной. Вентути даже отмечает, что каж-

дый перевод, по сути, – это в какой-то степени результат доместикации, т.к. именно родная культура является инициатором перевода [20].

Стратегия форенизации, напротив, намеренно нарушает привычные для культуры-реципиента каноны и привносит в транслят элементы иностранных реалий, отражающихся в переводимом тексте. Такой подход существует для того, чтобы читатель окунулся в незнакомую для него среду и осознал наличие культурных и лингвистических отличий.

В свою очередь, истоки появления понятий *доместикации* и *форенизации* могут быть отслезены в лекции «О разных методах перевода» немецкого философа Фридриха Шлейермахера (1813), который был убежден, что существует лишь два противоположных метода перевода: «Либо переводчик оставляет в покое писателя и заставляет читателя двигаться к нему навстречу, либо оставляет в покое читателя, и тогда идти навстречу приходится писателю» [21].

Первый метод сопоставим с принципами форенизации, второй же – доместикации. Учитывая, что любой перевод никогда не может в полной мере соответствовать иноязычному тексту, Шлейермахер ставит переводчика перед выбором: либо следовать стратегии доместикации – этноцентричному редуцированию переводимого текста до лингвокультурных реалий транслята, либо отдать предпочтение стратегии форенизации и акцентировать внимание читателя на чужих для него и никак не адаптируемых элементах другой культуры, отраженных в тексте [21]. Несомненно, использование той или иной стратегии не может быть названо идеальным или более корректным, т.к. переводчик волен решать сам, до какой степени должна быть выражена уникальность иностранного для реципиента перевода языка.

Однако, возвращаясь к идею Лоуренса Венути, который до конца оформил наработки Шлейермахера, стоит уделить особое внимание другому введенному им понятию «невидимости» переводчика [48]. Она может рассматриваться с двух разных позиций:

1. со стороны переводчика, который может стараться писать транслят живым, комфортным для чтения языком, создавая, таким образом, «иллюзию прозрачности» [48];
2. со стороны читателя-реципиента, который благодаря отсутствию несвойственных его культуре лингвистических и стилистических особенностей, воспринимает транслят не как перевод, а как оригинал [48].

Соответственно, мы можем прийти к выводу, что чем «невидимей» переводчик, тем больше сглажены чужеродные для принимающей культуры элементы и, соответственно, транслят отвечает принципам доместикации.

Интерес представляет тот факт, что и Шлейермахер, и Венути являлись яркими сторонниками форенизации. Венути даже высказывался о некой кроющейся в процессе доместикации жестокости, выраженной в варварском сглаживании уникальных черт оригинального текста, принуждении к звучанию транслята в знакомых для доминантной культуры словах и выражениях [49]. Действительно, переводчик, решивший адаптировать текст перевода под собственную культуру, будет вынужден либо опускать различные понятия и явления, незнакомые культуре-реципиенту, либо заменять их на привычные, «одомашненные» реалии, что, естественно, приводит к изменению исходного содержания оригинала.

Форенизация же выливается в перевод-сопротивление, как называл его Венути [20]. Сопротивление против стремительно разрастающихся процессов глобализации, стирающей культурные границы. Переводчик при таком отчуждающем переводе становится максимально «видимым», подчеркивая языковые и культурные особенности оригинального текста.

Оппонентом Венути в вопросе предпочтения между этими двумя обсуждаемыми подходами является американский теоретик перевода Юджин Найда, который стал автором таких базовых направлений в переводе, как формальная и динамическая (или функциональная) эквивалентность [41].

Формальная эквивалентность ориентирована как на форму, так и на содержание сообщения, что при сохранении лексической и грамматической структуры оригинального текста может ассоциироваться с буквальным переводом. В основе же динамической эквивалентности, напротив, лежит принцип создания такого эффекта, при котором реципиент перевода – в узком смысле – должен уметь предположить, какой именно эффект производит текст на носителя языка оригинала, а в широком же смысле – воспринять транслят так же, как это сделал бы читатель, для которого переводимый язык – родной [41].

В действительности динамическая эквивалентность широко использовалась Найдой при объяснении наиболее предпочтительной стратегии перевода Библии, успешность которого могла бы объясняться готовностью нехристиан обратиться в христианство. Так Найда предлагает заменять все используемые в библейских текстах сложные метафоры на более простые, однозначно трактуемые выражения, что поможет избежать создания разных интерпретаций и непонимания, демонстрируя читателям, что Библия не так далека от их повседневной жизни, как кажется.

Тем не менее, по словам английского профессора переводоведения Питера Ньюмарка, такой подход еще может быть релевантным при переводе Библии, но в других текстах такое намеренное упрощение текста оригинала не может сделать транслят достойным называться адекватным, т.к. опущение всей сложной для восприятия информации (о степени сложности которой, между прочим, решает никто иной, как переводчик) неизбежно приведет к значительным смысловым потерям [49].

Особенным образом на фоне этих двух полюсов интересны работа французского переводчика и теоретика Антуана Бермана «Испытание чужим. Культура и перевод в романтической Германии», которая предшествовала появлению трудов Венути и в какой-то степени также повлияла на его взгляды, как и наработки Шлейермахера.

С одной стороны Берман позиционировал себя, как последователя идей «восприятия иностранного как иностранного» [1], а процесс перевода связывал с постоянным взаимодействием не только с чьим-то «другим» менталитетом и культурой, но и с антропологией и герменевтикой. Но с другой стороны, ученый утверждал, что слепое нивелирование «чужого» под «свое», равно как и безоглядное усвоение «чужого» как «своего» не может быть руководящим принципом работы переводчика, который в идеале должен найти некий баланс [20].

Однако в идеях, высказанных Берманом, всё же прослеживается тенденция к осуждению «одомашнивания» текста, которым иногда переводчики, невольно движимые этноцентрическими силами, слишком злоупотребляют. Таким образом, уникальность текста стирается, теряется заложенный в него автором коммуникативный эффект.

Антуан Берман выделяет двенадцать «деформирующих» оригинал тенденций [1], которые мы можем ассоциировать с принципами доместикации:

1. **Рационализация.** Она выражается в стремлении к изменению синтаксического строя переводимого текста, что выражается в изменении порядка слов и адаптации иностранной пунктуации к привычной.
2. Лишнее **прояснение** тех элементов текста, которые в этом прояснении не нуждаются.
3. **Расширение**, проявляющееся в создании транслята, объем которого превосходит оригинал из-за переводческих длиннот, нарушающих форму и ритм переводимого текста и появляющихся в результате так называемого *overtranslation* – пояснения вместо перевода.
4. **Облагораживание.** Такой подход зачастую наблюдается у переводчиков, пытающихся придать оригинальному тексту больше шарма, заменяя нейтральную или намеренно сниженную лексику, необходимую в данном контексте, на более возвышенную. К этому

же пункту можно отнести противоположную стратегию перевода, при которой транслят сильно упрощается до пониженного переводчиком регистра для облегчения его восприятия реципиентом.

5. **Качественное оскуднение**, или замена слов и выражений оригинала такими эквивалентами, которые не обладают той же «звучностью» и, соответственно, не могут вызвать в мыслях реципиента тот же зрительный образ, что оригинальное слово. Это в первую очередь касается ярких эпитетов, которые зачастую называют «вкусными» и «живыми».
6. **Количественное оскуднение** – потеря в переводе лексической вариативности, как, к примеру, в случае, когда такие английские глаголы, как *to look, to stare, to gaze* переводятся одним русским глаголом *смотреть*, не учитывающим разной смысловой наполненности английских слов.
7. **Нарушение ритма**. Несмотря на то, что данное понятие обычно применяется по отношению к поэзии, Берман говорит о существовании ритма и в прозе, который может быть нарушен переводчиком при небрежном изменении порядка слов.
8. **Нарушение определяющих контекст элементов**. Несомненно, переводчик должен крайне внимательно относиться к особым, создающим определенную атмосферу художественного произведения словам и выражения и переводить их соответствующим образом на протяжении всего текста. Так, например, примечательной особенностью романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» является тот факт, что герои постоянно поминают черта в, казалось бы, незначительных выражениях, но все вместе это создает символический и уникальный эффект. Пренебрежение к этой характерной черте романа в переводе, естественно, недопустимо.

9. **Нарушение лингвистического структурирования.** Под этим пунктом Берман понимает некую системность оригинального текста, в которую может входить и использование определенного типа предложений, и предпочтение конкретной системы времен. Переводы же зачастую характеризуются своей бессистемностью.
10. **Нарушение системы местных диалектов,** с которым связана значительная переводческая трудность – как передать намеренно используемую автором речь местных народностей? Порой такие лексические единицы в переводе выделяют курсивом, чтобы подчеркнуть их отличие от всего текста, а порой – заменяют на диалектную лексику языка, на который осуществляется перевод. Естественно, ни тот, ни другой подход не является идеальным, т.к. существование различных диалектов в культуре по-своему уникально и не может быть воспроизведено.
11. **Нарушение системы идиом,** что определенным образом связано с предыдущим пунктом, т.к. воспроизведение оригинального устойчивого выражения эквивалентным по смыслу выражением языка перевода будет являться, по мнению Бермана, грубой доместикацией, полностью лишаящей оригинальный текст иноязычных черт.
12. **Сглаживание наложения языков.** Это во многом связано с уже упомянутыми диалектами, только Берман в этом пункте описывает проблему шире, говоря о существовании в художественном произведении целого множества различных форм языка, как, например, в работах испанского писателя Рамона Марии дель Валье-Инклана, отражавшего в своих произведениях богатую и многонациональную испанскую культуру, существующую не только на территории Испании, но и в странах Латинской Америки.

Все данные двенадцать тенденций, по мнению Антуана Бермана, препятствуют проникновению иноязычной культуры в транслят и отрицательно сказываются на его качестве в целом [1].

1.2. Переводческие приемы, обусловленные доместикацией / форенизацией

В продолжение необходимости выделения других переводческих приемов, которые можно было бы определить следствиями применения доместикации или форенизации мы обратились к работам других лингвистов.

Так французский ученый Жорж Л. Бастен, говоря о тех случаях, когда переводчик сталкивается с требующей определенной адаптацией реалией, выделяет следующие приемы:

- *копирование оригинала*: дословное воспроизведение части оригинального текста, обычно сопровождающееся буквальным переводом;
- *опущение*: игнорирование или сокращение какой-либо части текста;
- *расширение*: введение дополнительных пояснений к имплицитной информации оригинала либо в самом переводе, либо в сносках или глоссарии;
- *экзотизм*: замена выражений, относящихся к сленгу, диалектам и т.п., а также намеренно бессмысленных фраз примерными эквивалентами переводящего языка (зачастую такие выражения выделяются курсивом или подчеркиванием);
- *модернизация*: замена устаревшей или малоизвестной информации более актуальными эквивалентами;
- *ситуационная эквивалентность*: введение более знакомого реципиенту контекста взамен используемого в оригинале [25].

Исходя из определений доместикации и форенизации, приведенные Жоржем Л. Бастеном, приемы можно поделить в соответствии с их назначением на две группы, представленные в следующей таблице (Табл.1):

Таблица 1

Доместикация	Форенизация
опущение	копирование оригинала
экзотицизм	расширение
модернизация	
ситуационная эквивалентность	

В работах другого лингвиста, английского ученого Сары Лавиоса-Брейтуэйт, встречаются некоторые другие приемы, которые, как и у Антуана Бермана, можно назвать следствием применения доместикации.

Сара Лавиоса-Брейтуэйт выделяет следующие переводческие приемы:

- *упрощение*, под которым ученый понимает:
 - использование самых простых эквивалентов при переводе особо специфичных слов и выражений, не имеющих аналогов в языке перевода;
 - передача в переводе только приближенного значения оригинального текста;
 - использование широко распространенных или «знакомых» синонимов;
 - использование иносказаний вместо точной передачи возвышенной лексики (особенно когда речь идет о теологических, культурно-специфических или технических терминах);
 - использование парафразов в случае наличия обусловленных культурой разрывов между языками оригинала и перевода;

- упрощение сложного синтаксиса оригинала путем разбивания длинных предложений на несколько коротких, замены замысловатых фразеологических оборотов на более упрощенные аналоги, опущение избыточной информации, уточняющих оборотов и т.д.;
 - сокращение или опущение повторов, используемых в оригинале;
 - *пояснение*, обращаясь к которому, переводчик намеренно расширяет оригинальный текст путем введения дополнительной поясняющей информации;
 - *нормализация*, подразумевающая адаптацию специфичной для языка реципиента пунктуации, лексики, стилистики, синтаксиса, организации текста и т.д., что заметно из следующих примеров:
 - адаптация иностранных имен и культурных реалий в соответствие с их аналогами в языке перевода;
 - минимальная передача незнакомых для реципиента выражений;
 - замена используемой в оригинале пунктуации привычной для аудитории языка перевода;
 - использование отличных от оригинала временных конструкций, использование которых свойственно именно языку перевода; и т.д.
- [35].

Следующими учеными, затронувшими раскрываемую в рамках нашей работы тему и ставшими предметом нашего анализа, являются канадские лингвисты Жан-Поль Вине и Жан Дарбельне, которые описывают понятия «прямого» и «непрямого» переводов, соотносимых со стратегиями форенизации и доместикации соответственно.

Так к приемам «прямого» перевода ученые относят:

- *заимствование* – перенос языковой единицы исходного текста напрямую в язык перевода (примером может послужить перевод на английский язык

таких русских реалий, как *рубли*, *дача*, *гласность* в виде *rouble*, *datcha*, *glasnost*);

- *калькирование* – «особый вид заимствования», при котором выражение из оригинального текста переносится в транслит путем буквального перевода (например, словосочетание *праздничные поздравления*, звучащее на французском языке как *Compliments de la Saison*, было перенесено в английский язык как *Compliments of the Season*);
- *буквальный перевод* – пословный перевод, о котором авторы отзываются как самом распространенном, особенно когда дело касается родственных языков [39].

Говоря же об описываемом Жан-Полем Вине и Жаном Дарбельне «непрямом» переводе, следует отметить, что лингвисты отнесли к нему следующие приемы:

- *преобразование* – превращение одной части речи в другую без изменения смысла;
- *модуляция* – изменение смысла или структуры переводимой лексической единицы для формирования более корректного с точки зрения языка перевода высказывания (к примеру, модуляцией могут быть названы антонимический перевод, изменение залога, времени и т.п.);
- *эквивалентность* – описание представленной в оригинальном тексте ситуации другими стилистическими и структурными способами, актуальными для конкретного языка перевода (переводчик зачастую прибегает к эквивалентности при переводе идиом и крылатых выражений);
- *адаптация* – замена не существующих в языке перевода культурных реалий на их равносильные аналоги (например, по мнению Вине и Дарбельне, будет более корректно передать отсылку к игре крикет в английском тексте как отсылку к велогонке «Тур де Франс» во французском переводе) [39].

Таким образом, описанные канадскими лингвистами приемы можно свести в схожую с Таблицей 1 таблицу (Табл.2):

Таблица 2

Доместикация	Форенизация
преобразование	заимствование
модуляция	калькирование
эквивалентность	буквальный перевод
адаптация	

Следуя дальнейшему анализу существующих лингвистических работ, касающихся применения доместикации и форенизации, мы обратились к идеям английского лингвиста Малколма Харви, который выделяет четыре способа передачи специфичных с точки зрения культуры концептов:

- *Функциональная эквивалентность*, или использование в языке перевода аналога переводимого слова или выражения, чьи функции в той или иной степени совпадают. Примером может выступить перевод *English Crown Court* (английский Суд короны) на французский язык как *Cour d'Assises* (Суд присяжных).
- *Формальная или лингвистическая эквивалентность* – пословный перевод (фр. *Conseil constitutionnel* = англ. *Constitutional Council* = рус. *Конституционный совет*).
- *Копирование* или *заимствование*, подразумевающее либо транслитерацию, либо введение в перевод иноязычной лексической единицы с сохранением ее оригинального написания (такой прием, к примеру, зачастую используется при переводе названий печатных изданий).
- *Описательный перевод*, применяемый переводчиком для передачи значения незнакомой для читателя-реципиента иностранной реалии и обычно встречающийся в качестве глоссы [32].

В целях данной работы мы поместили описанные Малколмом Харви понятия в следующую таблицу (Табл.3):

Таблица 3

Доместикация	Форенизация
функциональная эквивалентность	формальная эквивалентность
описательный перевод	копирование

Другим исследователем, работа которого послужила основой для идентификации переводческих приемов, которые можно было бы отнести к следствию следования стратегии либо доместикации, либо форенизации, стал испанский лингвист и переводчик Хавьер Франко Экселя.

Данный ученый изначально делит выделенные приемы на две группы:

1. приемы, стремящиеся максимально сохранить культурную отсылку в оригинале (в нашем случае это напрямую относится к стратегии форенизации);
2. приемы, имеющие своей целью заменить реалию ее аналогом в языке перевода (что соотносимо с понятием доместикации) [23].

Таким образом, Экселя относит к первой группе:

- *повторение* – полное сохранение оригинальной реалии в трансляте (к примеру, идентичная передача топонимов в языках, использующих одну и ту же письменность, независимо от возможной разницы в произношении в языке оригинала и языке перевода);
- *орфографическая адаптация* – по своей сути, то же повторение, но имеющее отношение уже к языкам с разной письменностью, что вынуждает переводчика применять либо транскрипцию, либо транслитерацию;
- *лингвистический (внекультурный) перевод* – использование в переводе уже устоявшихся эквивалентов, которые, однако, никак не фигурируют в

языке перевода и рассматриваются только как иноязычное понятие (в эту категорию зачастую попадают единицы измерения или известные названия каких-либо объектов или институтов; к примеру, перевод английского слова *inch* как *дюйм* без адаптации в более привычную для русского-говорящего человека метрическую систему);

- *маргинальная глосса* – применяется вкупе с вышеперечисленными приемами в том случае, когда переводчик считает необходимым пояснить или более полно раскрыть иноязычное понятие, но при этом не желает нарушать структуру текста и оформляет такое пояснение обособленно: как сноску в низу страницы; замечание, комментарий или глоссарий в конце произведения; комментарий или перевод, помещенный в скобках или выделенный курсивом и т.д.
- *внутритекстовая глосса* – схожий с вышеописанным приемом, использующийся переводчиком тогда, когда пояснение может стать частью самого текста, не отвлекая, таким образом, внимание читателя; это также способ экспликации имплицитной информации [23].

Ко второй группе испанским лингвистом отнесены следующие приемы:

- *синонимия* – использование переводчиком синонимов повторяющейся в оригинале культурной реалии ради благозвучия и избегания нежелательных в переводе повторов;
- *частичная универсализация* – заключается в том, что переводчик, столкнувшись со слишком специфичной и незнакомой для реципиента транслята реалией, решает заменить ее в какой-то степени близким аналогом, также относящимся к культуре языка оригинала (к примеру, передача названия игры *American football* как *регби*);
- *полная универсализация* – в отличие от частичной является передачей иноязычной культурной реалии с помощью близкого аналога уже в языке перевода (англ. *Chesterfield* = рус. *диван*);

- *натурализация* – приведение используемых в оригинале культурных реалий к более привычному и знакомому для реципиента виду (например, адаптация английского имени *Alice* в русскую форму *Алиса*);
- *опущение* – игнорирование переводчиком нерелевантной, по его мнению, информации, отсутствие которой никак не повлияет на восприятие оригинала реципиентом (англ. *dark Cadillac sedan* = рус. *темный кадиллак*);
- *ослабление* – замена по каким-либо идеологическим причинам слишком «сильной» или непозволительной лексики более «слабыми» аналогами (такой прием часто применяется при переводе ненормативной лексики) [23].

Таким образом, в целях нашей исследовательской работы мы поместили описанные Экселя приемы в уже приводимую ранее таблицу (Табл.4):

Таблица 4

Доместикация	Форенизация
синонимия	повторение
частичная универсализация	орфографическая адаптация
полная универсализация	лингвистический перевод
натурализация	маргинальная глосса
опущение	внутритекстовая глосса
ослабление	

Рассмотрев описанные выше исследования различных лингвистов, мы пришли к выводу, что многие из выделенных понятий схожи между собой и, по сути, называют разными терминами один и тот же прием. Исходя из этого и в целях удобства реализации дальнейшего анализа художественных произведений на предмет наличия в них следствий применения доместикации и форенизации мы объединили все изученные нами прием в одну таблицу (Табл.5):

Таблица 5

Доместикация	Форенизация
синонимия	маргинальная глосса
частичная универсализация	внутритекстовая глосса
полная универсализация	орфографическая адаптация
описательный перевод	повторение
адаптация	калькирование
эквивалентность	заимствование
натурализация	
пояснение	
упрощение	
экзотицизм	
опущение	

1.3. О понятии «культурная реалия»

На протяжении всей истории развития лингвистических учений умы исследователей особенно волновал вопрос тесной взаимосвязи языка и культуры, а также того, насколько язык является ее отражением.

Так одним из первых ученых, рассмотревших данную проблему, стал немецкий языковед Вильгельм Гумбольдт, идеи которого можно свести к следующему:

1. в языке воплощена материальная и духовная культура;
2. язык отражает национальный характер культуры посредством представления особого видения мира; языку также присуща особая для каждого народа внутренняя форма;

3. внутренняя форма, в свою очередь, – это выражение «народного духа» культуры;
4. язык представляет собой опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. [12]

В дальнейшем выдвинутые Гумбольдтом положения стали основой для работ как отечественных ученых (С.А.Атановский, Г.А.Брутян, Е.И.Кукушкин, Э.С.Маркарян), которые называли язык отражением действительности, а культуру – неотъемлемым компонентом этой действительности [12], так и зарубежных лингвистов (Э.Сепир, Б.Л.Уорф), предположивших, что люди видят мир по-разному сквозь разные призмы своего родного языка, которые также можно назвать «языковыми картинами мира» [12].

Очевидно, что главным выводом из размышлений на тему взаимосвязи языка и культуры является тот факт, что язык есть по сути составная часть культуры, основной инструмент, посредством которого человек усваивает культуру и принимает ее сущность – науку, религию, литературу и т.д.

В этой связи необходимо отметить существование отдельной области знаний, занимающейся корреляцией языка и культуры – лингвострановедение. Предметом его изучения является информация о национально-культурных понятиях, идеях, реалиях, которые составляют страноведчески релевантный лексический пласт.

Особенный интерес в контексте нашей исследовательской работы представляют работы российского ученого-энциклопедиста Г.Д.Томахина, посвященные лингвострановедению и, в частности, культуре англоязычных стран.

Ученый дает следующее определение лингвострановедению: это страноведчески ориентированная лингвистика, объектом изучения которой являются языковые единицы с ярко выраженной национально-культурной семантикой, выступающей в качестве сосредоточения знания народа – носителя языка и окружающей деятельности [17].

Таким образом, мы подошли к необходимости выделения специального понятия для подобных языковых единиц, о которых пишет Г.Д.Томахин. И в языкознании действительно существует их обозначающий термин – *культурная реалия*.

Это понятие начало использоваться в лингвистических кругах еще в 50-х годах XX столетия и в научной литературе обозначалось и другими терминами: *экзотическая лексика, безэквивалентная лексика, локализмы, этнографизмы, страноведческая лексика* и т.д., в англоязычной литературе же чаще всего встречается термин *culture-specific item*. Как мы можем заметить, по сути все эти понятия обозначают одно и то же: предмет или понятие, явление, которое является характерным для истории и культуры определенного народа и не встречается у других народов, чем вызывает определенные переводческие трудности и приводит к необходимости применения приемов, способных сгладить (или наоборот подчеркнуть) разницу культур.

Следовательно, понятие *реалии* тесно связано и со стратегиями доместикации и фореанизации, руководствуясь которыми переводчик решает насущный вопрос, связанный с переводом реалий с одного языка на другой.

Несомненно, в любом языке существует огромное количество страноведчески ориентированных языковых единиц, характеризующихся различными формами, лексическими, фонетическими и морфологическими особенностями, что создает необходимость их упорядочения, т.е. классификации, которая позволила бы переводчику устанавливать в каждом конкретном случае степень значимости той или иной реалии в определенном контексте.

Такую попытку, к примеру, предпринял выдающийся английский лингвист Питер Ньюмарк в своем пособии по переводу («A Textbook of Translation») [40].

В первую категорию, выделенную ученым, вошли понятия, так или иначе связанные с **окружающим миром**: к ним можно отнести географические обозначения природных зон (*степь, тундра, прерия*), названия растений (*помело,*

авокадо, гуава, манго) и т.п. Ключевой особенностью этой категории Ньюмарк называет преимущественную тенденцию передавать языковые единицы в переводе с помощью транслитерации в связи с их узнаваемостью [40].

Ко второй категории Ньюмарк относит **предметы материальной культуры**, которые в свою очередь подразделяются на:

- одежду (*анорак, сари, сарафан*);
- еду (*ростбиф, паста, сабайон* (итал. *zabaglione*), *кайзершмаррн* (нем. *Kaiserschmarrn*);
- архитектурные постройки и обозначения населенных пунктов (*шале, кампонг, палаццо*);
- транспортные средства (*байк, рикша, кабриолет*) [40].

Комментируя перевод лексических единиц, входящих в эту категорию, Ньюмарк замечает, что необходимость следовать стратегии форенизации в этом случае напрямую зависит от желания переводчика сохранить иностранный колорит в своем трансляте. Конечно же, общеизвестные понятия не будут нуждаться в каких-либо комментариях, но специфические слова потребуют либо поиска аналога в языке перевода, либо введения сносок с объяснениями [40].

Третья категория объединила в себе понятия, связанные с **социальной жизнью**: работой, досугом и т. д. В качестве примера можно привести названия национальных игр (*крикет, петанк, хоккей*), которые в большинстве случаев имеют устоявшийся перевод в крупных языках (зачастую основанный на транслитерации) и не вызывают у переводчика вопросов. Однако эта категория включает и другие лексические единицы, дословный перевод или транслитерация которых могут быть не релевантными. Так Ньюмарк рассуждает о переводе слова *proletariat*, который зачастую может использоваться в тексте с иронической коннотацией, которая при кажущемся очевидном переводе – *пролетариат* – может потеряться [40].

К обширной четвертой категории реалий Ньюмарк отнес лексические единицы, отражающие **социальную организацию** конкретного общества:

- названия государственных органов, административных структур, должностей и т.п.: в зависимости от контекста и намерений самого переводчика подобные лексические единицы могут переводиться как буквально (англ. *Prime Minister* = рус. *премьер-министр*), либо иметь другое, недословное, устоявшееся название (фр. *Assemblée Nationale* = рус. *Национальное собрание*), либо передаваться в языке перевода с помощью аналога (польск. *sejm* = рус. *парламент*);
- исторические термины: с данной подгруппой переводчику, по мнению Ньюмарка, нужно быть особенно внимательным, т.к. если у реалии нет общепринятого перевода (как например, фр. *Siècle des Lumières* = рус. *Эпоха Просвещения*), то используется описательный перевод (фр. *Ancien Régime* = рус. *дореволюционная Франция*);
- международные термины: к этой подгруппе относятся названия международных организаций, которые обычно имеют свой устоявшийся перевод (англ. *World Health Organization* = рус. *Всемирная организация здравоохранения*) и не вызывают затруднений;
- религиозные термины: как отмечает Ньюмарк, данные единицы являются ярчайшим отражением культуры народа и именно поэтому в переводе они в основном приводятся в своем оригинальном виде, т.к. их передача с помощью, например, аналога в языке перевода не будет корректна (инд. *дхарма, карма*; англ. *аббат*);
- лексические единицы, связанные с искусством: это названия музеев, театров, оркестров (отличающиеся буквальным переводом или передачей с помощью транслитерации: нем. *Gewandhaus* = рус. *Гевандхаус*, англ. *Royal National Theatre* = рус. *Королевский национальный театр*), а также различные искусствоведческие термины

(обычно также передаются транслитерацией, как например, итальянские музыкальные термины *адажио*, *легато*, *стаккато* или французские балетные термины *фуэте*, *па-де-де*, но встречаются и случаи, когда в каждом конкретном языке один и тот термин называется по-разному: англ. *Art Nouveau* = нем. *Jugendstil* = итал. *Stile Liberty* = рус. *модерн*) [40].

И в последней пятой категории Ньюмарк объединил, по сути, **невербальные проявления культуры**, такие как жесты, обычаи, которые могут встречаться в переводе, но при этом требовать дополнительных пояснений [40].

Подводя итоги своей классификации, ученый заключает, что перевод культурных реалий зачастую зависит даже не столь от контекста (который, однако, играет определенную роль), сколько от реципиента перевода, степень образованности и знакомства с тематикой текста которого может сильно различаться и влиять на выбор переводческой стратегии [40].

При дальнейшем изучении научного материала мы обратили внимание на следующую классификацию, предложенную в книге «Cultural Awareness» совместного авторства Барри Томалина и Сюзан Штемплески [46]. Опыт данных ученых особенно актуален в контексте нашего исследования, т.к. оба из них долгое время работали преподавателями в мультикультурной среде Европы, Латинской Америки и Соединенных Штатов и выработали определенную стратегию преподавания, основанную на уважении к культуре и традициям других народов.

Разработанная исследователями классификация стала результатом проведенного ими опроса, подразумевающего ответ лишь на один вопрос: «Что для вас значит культура?». Полученные ответы Томалин и Штемплески сгруппировали в три категории:

- **продукты** (объединяют в себе не только материальные предметы, но и произведения искусства: литература, фольклор, музыка и т.д.);

- **идеи** (общие представления народа о жизни: всё, что связано верованиями, ценностями, административной организацией и т.п.);
- **образ действий** (привычки народа, одежда, еда, способы проведения досуга и т.п.) [46].

Вследствие того, что авторы книги обладают больше преподавательским опытом, то их классификация не затрагивает переводческих аспектов. В связи с этим мы обратились к исследованию двух бразильских лингвистов из Федерального университета штата Санта-Катарина – Элейн Эспиндола и Мария Люсия Васконсейос, которые занимались анализом перевода субтитров для фильмов, что, естественно, вплотную касается исследуемой нами тематики.

Классификация, приведенная в их научном труде «Two facets in the subtitling process: Foreignization and/or domestication procedures in unequal cultural encounters» [31], отличается своей полнотой и исчерпываемостью и включает в себя 12 групп лексических единиц.

1. **Топонимы:** названия каких-либо мест, географические названия, имена собственные, называющие местность, регион или другие части земной поверхности, а также ее природные или искусственные признаки;
2. **Антропонимы:** имена как знаменитых, так и обычных людей, прозвища, говорящие имена;
3. **Формы развлечений:** различные публичные выступления, шоу, проявления гостеприимства в форме ужинов, вечеринок, деловых обедов и т.п.
4. **Транспорт:** любые транспортные средства, которые могут быть отражением культуры определенного народа;
5. **Вымышленный персонаж:** герой литературного произведения, фильма и т.п.;

6. **Правовая система:** правила поведения, нормы, присущие обществу носителей языка оригинала;
7. **Местные структуры и организации,** ответственные за разные стороны жизни: образование, здравоохранение, политика, религия и т.п.;
8. **Системы измерений;**
9. **Еда и напитки;**
10. **Система образования:** наименования классов, методы оценки и т.п.;
11. **Религиозные праздники, обычаи;**
12. **Диалекты:** в эту группу авторы отнесли не только сами диалекты, но и особенности речи героя, которые демонстрируют его социальное положение, возраст, пол и т.п. [31].

Выделенные группы исследователи использовали для того, чтобы определить, какая из них наиболее подвержена применению доместикации или форенизации при переводе культурных реалий.

Таким образом, мы можем отметить, что взгляды разных исследователей порой совпадают, а в выделении некоторых категорий – расходятся. В связи с этим в целях нашей исследовательской работы мы объединили проанализированные выше классификации в одну, которая и использовалась при сборе практического материала:

1. топонимы;
2. антропонимы;
3. объекты материальной культуры (еда и напитки, одежда, транспорт, здания и т.д.);
4. системы измерений;
5. названия государственных органов, административных структур, должностей;

6. отсылки к художественным произведениям;
7. лексические единицы, связанные с историей;
8. лексические единицы, связанные с досугом, развлечениями, праздниками, бытом;
9. идиомы;
10. диалекты, особенности речи.

Выводы по главе 1

В ходе критического анализа теоретического материала, отобранного в рамках данной работы, мы пришли к следующим выводам.

Стратегии доместикации и форенизации были нами тщательно рассмотрены, и мы столкнулись с тем, что взгляды на их выбор в качестве превалирующей стратегии создания перевода художественных текстов различались и до сих пор остаются предметом споров как лингвистов-теоретиков, так и практикующих переводчиков. С одной стороны, целью транслята должна выступать передача культурных особенностей оригинала так, чтобы у реципиента была возможность постичь и осмыслить различия между его культурными реалиями и иностранными. Такой подход положительно влияет на тенденцию взаимопроникновения культур, расширения кругозора читателей. Однако неоправданно «слепое» следование стратегии форенизации может привести к чувству отчуждения у читателя, столкнувшегося с неизвестными для него понятиями, затрудняющими понимание текста в целом. В этом контексте очевидными становятся преимущества использования приемов доместикации, сглаживающими культурные барьеры между иностранным автором и реципиентом перевода.

Главным заключением из этих споров является тот факт, что в каждой конкретной ситуации переводчик должен осознанно подходить к выбору той или иной переводческой стратегии, использование которой становится оправданным в зависимости от самых различных факторов.

Далее, после изучения соответствующего материала, мы дали определение ключевому для данного исследования понятию «культурная реалия» и связали его с понятиями доместикации и форенизации.

Конечно же, определенным критерием следования доместикации/форенизации может выступить и принадлежность культурной реалии к определенным категориям, выделение которых также является частой темой исследований лингвистов. В рамках нашей работы мы предприняли попытку обобщить существующие классификации для удобства анализа практического материала.

Кроме того, по итогам изучения различных переводческих приемов и трансформаций, к которым переводчик вынужден прибегать в случае столкновения в оригинальном тексте с культурными реалиями, требующими от него особого внимания и действий, мы определили, какие из приемов можно назвать следствием использования доместикации, а какие – форенизации.

Таким образом, нами была подготовлена обширная теоретическая база для сравнительного анализа применения доместикации и форенизации при переводе культурных реалий в английском и русском художественных текстах.

Глава 2. Анализ переводов художественных произведений с точки зрения применения стратегий форенизации/доместикации

В качестве практического материала данной исследовательской работы нами были выбраны перевод на английский язык романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также перевод на русский язык повести Артура Конана Дойла «Этюд в багровых тонах» и рассказов «Скандал в Богемии» и «Приключения голубого карбункула», входящих в цикл произведений о Шерлоке Холмсе.

Отметим, что в целях проведения максимально точного и эффективного сравнительного анализа и получения сопоставимых результатов при отборе переводов было отдано предпочтение транслятам, выполненным в одинаковое время – 2008 год, что также делает полученные выводы актуальными. Количество отобранных культурных реалий в английском и русском художественных произведениях также примерно одинаково и обеспечивает чистоту проведенного анализа.

2.1. Анализ романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

«Мастер и Маргарита» по праву считается признанным мировой общественностью литературным шедевром. М.А. Булгаков работал над этим романом с 1928 года вплоть до самой смерти в 1940 году, постоянно внося коррективы, дорабатывая сюжет, создавая непревзойденную атмосферу советской действительности. Впервые роман в довольно урезанном виде был опубликован в 1966-1967 гг. в журнале «Москва», полный же текст увидел свет только в 1973 году [37].

Для своего времени «Мастер и Маргарита» был чем-то совершенно новым и необычным – произведением, в котором реальные судьбы обычных лю-

дей тесно переплетаются с откровенной мистикой, мифы – с точностью исторических фактов, теософия – с демонизмом, романтизм – с едкой сатирой [27].

Рассматривая же сюжетные линии романа, можно четко проследить три пласта – литературно-библейский, демонический и социальный [8], все из которых автор мастерски вплетает в одно единое литературное полотно. В контексте нашей исследовательской работы, конечно же, наибольшую ценность представляет собой последний слой, т.к. именно в нем наиболее ярко выражены культурные реалии Москвы 30-х годов XX века.

С первой же главы читатель погружается в гремучую смесь сатиры, фарса, театральности, философии и религии, в центре которой проявляются мотивы постреволюционной действительности с ее тотальным коммунистическим контролем, заставляющим людей подгонять свое мировоззрение под единственное «правильное». Сатира становится для Булгакова оружием, с помощью которого автор вскрывает самую суть влияния такого режима на жизни обычных людей, их поведение, духовные и моральные принципы.

Таким образом, рождается новый тип «советского человека», чей образ едко высмеивается прибывшим в Москву Воландом-Сатаной: навязываемые партией идеалы и ценности вроде высоки, но общество все так же коррумпировано, а людей портит извечный «квартирный вопрос».

«Мастер и Маргарита» – это сильнейшая попытка сломать сложившиеся литературные нормы, что делает роман насыщенным на мысли о сложных взаимоотношениях между властью и литературой, политикой и человеческим поведением, о том, как все эти системы неизбежно влияют друг на друга [27]. При этом роман ярко демонстрирует отсутствие необходимости четкого следования реализму для отображения жизни общества. Наоборот, весь присущий произведению абсурд, вмешательство сверхъестественных сил служат отличным способом передачи социальной, политической и экономической реальности описываемого автора периода.

Несомненно, такая литературная ценность романа сделала произведение популярным не только в России, но и в зарубежных странах, для жителей которых до сих пор невероятно интересно знакомиться с описанной с такой тщательностью атмосферой советской Москвы. «Мастер и Маргарита» был даже включен в список 100 книг XX века по версии знаменитого французского журнала «Le Monde», который составил его в 1999 г. по результатам опросам около 17 000 респондентов [37].

Конечно же, для знакомства иностранного читателя с русским произведением предпринималось множество попыток перевести роман – как довольно успешных, так и получивших критическую оценку. Всего на данный момент существует семь опубликованных переводов на английский язык «Мастера и Маргариты», первый из которых был выполнен для издательства «Grove Press» в 1967 г. переводчицей Миррой Гинсбург [37].

В целях же обеспечения актуальности нашего исследования мы обратились к переводу 2008 года для издательства «Oneworld Classics» доктора Хью Эплина [26], который вот уже около 30 лет возглавляет отделение русистики в Вестминстерской школе в Лондоне. В число его переводов на английский язык входят произведения Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, Е.И. Замятина, а также другие работы М.А. Булгакова.

В ходе исследования оригинальный текст романа был проанализирован на наличие культурных реалий, число которых в общей сложности достигло 239 лексических единиц, распределённых по десяти категориям представленной в главе 1 классификации. Каждая найденная лексическая единица была сопоставлена с соответствующим переводом в трансляте Хью Эплина, который, в свою очередь, был помечен как маркер применения форенизации или доместики.

Рассмотрим же каждую категорию культурных реалий по отдельности.

Первой из них стала категория **топонимов**, к которой мы отнесли 33 лексические единицы. В основном это названия улиц Москвы, переулков, площа-

дей, районов и других территориальных единиц, а также названия городов России.

Естественно, своей преимущественной стратегией Эплин для передачи русских топонимов в английском языке выбрал форенизацию. Более того, нами не было отмечено реалий, перевод которых можно было бы отнести к доместикации. Это связано с тем, что в трансляте подобные единицы чаще всего передаются либо с помощью орфографической адаптации, либо калькирования.

Однако интерес представляет тот факт, что при переводе единиц, в составе которых присутствует родовое слово (например, *улица, кольцо, переулок, площадь*) переводчик приводит английский эквивалент этого родового слова (*Street, Ring, Lane, Square*), а название передает с помощью того или иного переводческого приема.

Некоторые вопросы вызывает его подход именно к переводу именной части топонимов, в котором нет некоего единства. Так большинство названий улиц, переулков передаются с помощью транслитерации (рус. *Малая Бронная улица* = англ. *Malaya Bronnaya Street*, рус. *улица Кропоткина* = англ. *Kropotkin Street*, рус. *Ваганьковский переулок* = англ. *Vagankovsky Lane*, рус. *Институтская улица* = англ. *Institutskaya Street*, рус. *Брюсовский переулок* = англ. *Bryusovsky Lane*). А другие топонимические единицы передаются дословным переводом: рус. *Патриаршие пруды* = англ. *Patriarch's Ponds*, рус. *Чистые пруды* = англ. *Pure Ponds*, рус. *Владимирская горка* = англ. *Vladimir's Hill*, рус. *Воробьевы горы* = англ. *Sparrow Hills* и т.д.

Отдельно остановимся на передаче в тексте транслята названий российских городов. Казалось бы, у всех них есть устоявшийся перевод на английский язык, основанный на приеме транслитерации, что заставляет нас относить их к категории единиц, передача которых была осуществлена с помощью форенизации. Однако в большинстве случаев переводчик не учел окружающего данные названия контекста и не ввел поясняющие сноски, которые могли бы объяснить реципиенту, почему автор упоминает именно эти города.

Особенно ярким примером подобного упущения является перечисление курортных городов, куда, как описывает М.А. Булгаков, стремятся попасть все члены МАССОЛИТА – *Ялта, Суук-Су, Цихидзири, Махинджаури, Кисловодск* и т.д. В переводе Хью Эплина данные топонимы переданы в форме *Yalta, Suuk-Su, Tsikhidziry, Makhindzhaury, Kislovodsk* без применения описательного перевода и ввода пояснительных дополнений.

Единственным примером объяснения в виде сноски можно считать перевод названия подмосковного дачного поселка *Перельгино* (англ. *Perelygino*), которое отсылает читателя к реально существующему поселку Переделкино, о чем и говорит в пояснении переводчик.

Хью Эплин не попытался сгладить отчуждающий элемент и при переводе названий московских районов: *Пречистенка* (англ. *Prechistenka*), *Остоженка* (англ. *Ostozhenka*), *Сходня* (англ. *Skhodnya*), *Божedomка* (англ. *Bozhedomka*) и т.д. Опять же реципиент перевода сталкивается с отсутствием каких-либо пояснений даже о том, что это именно районы, и вынужден догадываться об этом только из контекста.

Следующая категория **антропонимов** (в количестве 25 лексических единиц) также была полностью передана в переводе Эплина с помощью стратегии форенизации, т.к. все используемые автором имена в большинстве своем были переданы посредством транслитерации или калькирования.

При анализе данной категории хотелось бы подчеркнуть два нюанса.

Во-первых, особенно чужеродным элементом для иностранцев в принятых российской традицией именах является наличие отчества, которое порой при переводе опускается. Тем не менее, переводчик «Мастера и Маргариты» решил оставить эту культурную реалию в трансляте: рус. *Михаил Александрович Берлиоз* = англ. *Mikhail Alexandrovich Berlioz*, рус. *Иван Николаевич Поньрев* = англ. *Ivan Nikolayevich Ponyrev*, рус. *Настасья Лукинишна Непременова* = англ. *Nastasya Lukinishna Nepremenova*.

Во-вторых, излюбленным художественным приемом М.А. Булгакова является использование «говорящих» фамилий, которые добавляют определенного колорита персонажам, вскрывают их внутренние качества. Конечно же, одним из самых очевидных примеров является фамилия поэта Ивана Бездомного, в которой кроется намек на пройденный героем путь от неустоявшегося в своих взглядах человека, ведомого навязываемыми обществом стандартами, до сформировавшейся в своем мировоззрении личности. Что интересно, дословный перевод фамилии этого персонажа (*Homeless*) – единственный, который приводит в сноске Хью Эплин, при этом используя в самом тексте транслитерированный вариант – *Bezdomny*. Все остальные «говорящие» фамилии, наделяющие своих героев такими примечательными характеристиками, делающими еще больший акцент на иронии автора (рус. *Двубратский* = англ. *Dvubratsky*, рус. *Павианов* = англ. *Pavianov*, рус. *Богохульский* = англ. *Bogokhulsky*, рус. *Лиходеев* = англ. *Likhodeyev*), не сопровождаются пояснительными переводческими сносками, что лишает реципиента перевода особой художественности текста оригинала и его смысловой подоплеки.

Все вышеперечисленные лексические единицы были переданы переводчиком с помощью транслитерации, и нам удалось найти лишь два примера применения калькирования – при передаче кличек: в одном случае это была кличка служебной собаки *Тузбубен* (англ. *Ace of Diamonds*), в другом же – прозвище кентуриона Марка – *Крысобою* (англ. *Rat-catcher*).

А вот следующая категория культурных реалий – **объекты материальной культуры** – оказалась уже более насыщенной на разнообразие выбора стратегии. Более того, при окончательном подсчете отобранных единиц выяснилось, что 29 из 41 найденной реалии были переведены исходя из принципов доместикации. Остановимся же подробнее на рассмотрении данной группы.

Возьмем, к примеру, часто встречающиеся в романе названия блюд и напитков. Интересно, что знаменитый русский крепкий напиток *водка*, а также его польский аналог *старка* переданы в переводе транслитерацией – *vodka* и

starka (в переводе выделена курсивом) соответственно, при чем для последнего даже есть сноска. А вот также популярный в российской среде *коньяк* был заменен английским аналогом этого напитка – *brandy*. Очевидно, что Хью Эплин посчитал, что водка является достаточно узнаваемым понятием за пределами России, что позволяет оставить лексическую единицу в ее изначальном виде, а вот коньяк, по мнению переводчика, потребовал адаптации.

Когда же в оригинальном тексте встречались названия некоторых напитков, которые используются героями как нарицательные, переводчик орфографически адаптировал такие названия, а пояснения к ним помещал в сноску (рус. *нарзан* = англ. *Narzan*, рус. *Абрау* = англ. *Abrau*).

Что же касается названий блюд, то преимущественно используемой стратегией переводчика стала доместикация, характеризующая такими приемами, как адаптация, описательный перевод, упрощение и т.д. Так, например *пельмени* превратились в *ravioli* (итальянская вариация блюда), *эскалон* (ровные мясные пласты) – в *cutlet* (блюдо из мясного фарша), балычок (соленая и провяленная хребтовая часть красной рыбы [16]) – в *fillet of sturgeon*, зубрик (мясное блюдо, рецепты приготовления которого довольно разнятся) – в простую оленину – *venison*, *фляки господарские* (густой суп с мясными нарезками) – в *imperial chitterlings* (отварные потроха). Та же самая стратегия коснулась лаконичного слова *чебуречная*, перешедшего в перевод в виде *café selling meat pasties*. Как видим, на лицо становится намерение переводчика максимально адаптировать привычные для российской действительности названия, заменяя их либо описанием, либо аналогом.

Схожий подход к переводу прослеживается и в передаче лексических единиц, обозначающих одежду, головные уборы, материалы. Предпочтение доместикации отражается, например, в переводе таких слов как *картузик* = англ. *peaked cap*, *бурка* = англ. *Caucasian cloak*, *тюбетейка* = англ. *skullcap*, *байка* = англ. *flannelette*, *ситец* = англ. *cotton material*, *шапочка* = англ. *hat*, *кепка* и *фуражка* = *cap*, *косоворотка* = англ. *traditional white Russian shirt*, *nanaxa*

= англ. *Caucasian fur hat*. Можно отметить, что Хью Эплин попытался отразить данные понятия либо путем подстановки близкого к значению исходной реалии аналога, либо приемом описательного перевода.

Примерами использования стратегии форенизации при переводе наименований одежды стали для нас лишь две лексические единицы: *ковбойка*, переданная в английском трансляте буквальным переводом в виде *Cowboy shirt*, и *толстовка*, появляющаяся в английском переводе как выделенное курсивом слово *tolstovka*, снабженное при первом его появлении поясняющей сноской.

Конечно же, в романе встречаются и такие распространенные российские понятия, как *баня* и *дача*. Интересно, что в первом случае переводчик адаптировал слово в форму *bathhouse*, а во втором – воспользовался транслитерацией – *dacha*.

Следующая категория **систем измерения** не была обильно представлена в романе. Нам удалось обнаружить лишь одну лексическую единицу – *сажень*, адаптированную к единице английской системы измерения – *feet*. Причем стоит отметить, что в произведении данная единица встречается в следующем контексте – *Гражданин ростом в сажень*, что при переводе на современную метрическую систему говорит о том, что человек был ростом чуть больше двух метров. В английском трансляте эта характеристика была заменена словосочетанием *seven feet*, что эквивалентно оригинальному описанию.

Далее нами были отобраны культурные реалии, обозначающие названия **организаций**, некоторых **государственных органов**, а также **должностей**. Их общее количество составило 20 единиц, 10 из которых были представлены в переводе Эплина с помощью стратегии форенизации, оставшиеся же 10 – путем доместикации. Как можно заметить, единства в передаче данной категории у переводчика не было.

Так многие понятия были переведены с использованием транслитерации (рус. *МАССОЛИТ* = англ. *MASSOLIT*, рус. *Соловки* = англ. *Solovki*, рус. *приват-доцент* = англ. *privat-docent*, рус. *торгсин* = англ. *Torgsin*). Несомненно, понятие

англоязычному реципиенту стоящий за этими обозначениями смысл без дополнительных пояснений будет трудно, но переводчик не всегда прибегал к использованию сносок. Организация *МАССОЛИТ*, к примеру, а также должность *приват-доцента* никак раскрываются, а вот в случае с *Соловками* и *торгсином* Эплин решил вынести объяснения в сноски.

Названия некоторых других организаций были переведены буквально, что также позволяет их отнести к группе единиц, переданных с помощью форенизации. К их числу мы отнесли *жилищное товарищество* = англ. *Housing Association*, *комиссию изящной словесности* = англ. *Commission for Belles-Lettres*, *Дом Драмлита* = англ. *House of Dramwrit* (дополнительно отметим в этом примере такое же сложение основ в переводе, как и в оригинале), *комиссию зрелищ и увеселений облегченного типа* = англ. *Commission for Spectacles and Light Entertainments* и т.д.

В романе также часто встречается сокращенное использование названий ведомств и должностей, что присуще разговорному языку, стремящемуся к простоте и экономии времени. В переводе же в большинстве случаев переводчику приходилось отказываться от этих сокращений в пользу развернутого перевода: рус. *финдиректор* = англ. *Financial Director*, рус. *финзрелищный сектор* = англ. *Spectacles' Finance Department*, рус. *домком* = англ. *House Committee* и т.д.

И конечно же, в данной категории реалий присутствовал перевод с заменой оригинальной единицы ее английским аналогом. В качестве наглядных примеров такого переводческого приема, свидетельствующего о следовании стратегии доместикации, приведем *милицию* (англ. *police*), *профсоюз* (англ. *union*), *угрозыск* (англ. *CID – Criminal Investigation Department*, Департамент уголовного розыска столичной полиции Великобритании).

Теперь перейдем к анализу следующей категории – **отсылки к художественным произведениям**. Очевидно, что все найденные 12 отсылок были отражены в переводе по принципу форенизации, т.к. переводчик ни разу не прибегнул к опущению или подмене единицы, а наоборот использовал уже усто-

явшийся перевод. В частности, это касается и названий отечественных произведений (рус. «Горе от ума» = англ. *The Misfortune of Wit*, рус. «Евгений Онегин» = англ. *Eugene Onegin*, рус. «Скупой рыцарь» = англ. *The Miserly Knight*, рус. «Мертвые души» = англ. *Dead Souls*, рус. «Ревизор» = англ. *The Government Inspector*), и цитируемых героями известных стихотворных строк, переданных с помощью эквиритмического перевода («Зимний вечер» А.С. Пушкина: рус. *Буря мглою* = англ. *Stormy darkness*; опера «Пиковая дама» П.И. Чайковского: рус. *Там груды золота лежат и мне они принадлежат!* = англ. *Great piles of gold are lying there, And yes, they all belong to me!*; русская народная песня: рус. *Славное море – священный Байкал* = англ. *Glorious sea, sacred Baikal*). При этом во всех перечисленных случаях перевод сопровождался поясняющей сноской, раскрывающей информацию об авторе и его произведении.

Особенно примечательными становятся примеры того, как отсылка на то или иное художественное произведение появляется в тексте оригинала как бы невзначай, и переводчик не проходит мимо нее, а опять же снабжает свой перевод сноской. Так, к примеру, в описании атмосферы Москвы встречается упоминание звучащего из всех открытых окон «тяжелого баса», который «пел о своей любви к Татьяне». Конечно же, перевод остается дословным (англ. *ponderous bass sang of his love for Tatyana*), но сноска поясняет читателю, кто такая Татьяна и почему о ней поют (дополнительная отсылка на оперу «Евгений Онегин»).

Схожая ситуация наблюдается с отсылкой к роману Л.Н. Толстого «Анна Каренина» – в описании проказ Азazelло, решившего проучить прибывшего в Москву дядю покойного Берлиоза Максимилиана Поплавского, внезапно появляется известная фраза – *Все смешалось в доме Облонских*. Хью Эплин оставляет ее в своем переводе – *Everything was in confusion in the Oblonskys' house*, и уже в сноске объясняет своему реципиенту, что это первое предложение второго абзаца всемирно известного русского романа.

Говоря о седьмой категории культурных реалий, связанных с какими-либо **историческими понятиями**, мы отметим тот факт, что опять же переводчик отдал предпочтение форенизации, с помощью которой было переведено 7 лексических единиц из 10. Связано это с тем, что у большинства из них есть общепринятый перевод, форма которого и использовалась Хью Эплиным.

В эту категорию мы отнесли такие типичные для советской действительности обращения как *гражданин* и *товарищ* – *citizen* и *comrade* соответственно на английском языке. Переводчик решил не заменять их более нейтральным, привычным для английского реципиента *sir*, отдав предпочтение сохранению советского колорита.

Остались в переводе и устоявшиеся формы таких понятий как *кулак* (англ. *kulak*), *белогвардеец* (англ. *White Guard*), *Лжедмитрий* (англ. *False Dmitry*), причем для последнего даже приводится сноска, чего не хватает другим перечисленным реалиям. Говоря об используемых переводческих приемах, то все вышеуказанные примеры были переведены либо буквально, либо с помощью транслитерации, что заносит их в группу реалий, отраженных по принципу форенизации.

А вот уже следующие единицы были отнесены нами к числу переведенных с помощью доместикации. Во-первых, это касается слова *комсомолка*, чей расширенный английский перевод у Хью Эплина звучит как *Russian woman in the Communist League of Youth*. Во-вторых, это упоминание *князя Владимира* – *Prince Vladimir* в английском трансляте. Как известно, титул *принца* по сути является зарубежным аналогом присущего славянским народам *князя*, но именно такой перевод является общепринятым в исторической практике. И в-третьих, встречающееся в словах марша, играющего в «Грибоедове», обращение *Его превосходительство*. Переводчик передает его в своем трансляте как *His Royal Majesty*, что, как и в предыдущем примере, не соответствует русскому монархическому строю, во главе которого стоял не король (*Royal*), а царь.

Самой же богатой на количество найденных реалий стала категория лексических единиц, относящихся к **быту и повседневной жизни**. Это одна из немногих групп, в которой перевод, следующий стратегии доместикации, прева­лирует над форенизированными единицами: из 60 отобранных реалий к до­местикации можно отнести 41.

Здесь представлены сами разные стороны жизни. Например, достаточное количество единиц связано с практикой распития спиртных напитков и куре­ния, все из которых так или иначе в переводе были адаптированы. Например, употребляемое в разговорной форме обозначение литровой бутылки, *литровка*, было передано расширенным переводом – *litre bottle*; понятие *закуски*, сопро­вождающее употребление спиртных напитков, было генерализировано до про­стого *food*; разговорное название стопки, *лафитник*, который используется для питья именно водки, было подменено винным бокалом – *wineglass*; *nanipoca* в переводе превратилась в другое табачное изделие – сигарету (англ. *cigarette*); *самокрутка* была заменена британским аналогом – *roll-up* (Oxford Dictionary: British, A hand-rolled cigarette [42]).

Другой широко представленной стороной жизни выступила группа еди­ниц, связанных с деньгами. При их переводе подход переводчика различался. Так общеизвестные обозначение русских денежных единиц: *рубель* и *копейка* – со­хранили свою транслитерированную форму: *rouble* и *copeck*. А вот уже разго­ворные формы обозначения разных банкнот и монет были представлены в транслите в адаптированном варианте: рус. *десять с полтиной* = англ. *ten rou­bles fifty*, рус. *червонцы* = англ. *ten-rouble notes* или *tenners* (так в британской среде называют и десять фунтов), рус. *гривенник* = англ. *ten-copeck piece*. Ис­ключение составил дословный перевод слов *трехрублевка* (англ. *three-rouble note*) и *трешка* (англ. *three*). Отдельно также отметим особый советский под­текст слова *валюта*, подразумевающего именно иностранные деньги, облада­ние которыми было запрещено. В этих соображениях Хью Эплин добавил в своем переводе данного понятия прилагательное *foreign*, тем самым расширив

свой перевод (рус. *валюта* = англ. *foreign currency*). То же самое коснулось и спекулирующих валютой граждан, называемых *валютчиками*: опять же в английском переводе мы сталкиваемся с расширенной формой – *speculator in foreign currency*.

Особый интерес также представляют реалии, связанные с переездами на поездах. По причине того, что транспортная система может сильно отличаться в разных странах, переводчику пришлось прибегнуть к описательному переводу большинства понятий: рус. *курьерский ленинградский* = англ. *express train to Leningrad*, рус. *плацкарт* = англ. *reserved berths*, рус. *дачные поезда* = англ. *suburban trains*. Однако в двух случаях Хью Эплин перенес реалию посредством калькирования, т.к. в английской действительности подобного деления вагонов не существовало: речь идет о *жестких вагонах* (с полками или сидениями из фанеры) и *мягких вагонах* (с обитыми сидениями или диванами). Соответственно, в текст перевода романа они перешли в виде *hard carriage* и *soft carriage*.

Говоря о других реалиях рассматриваемой категории, стоит дополнительно отметить несколько примечательных случаев перевода.

В романе автор очень часто упоминает популярное в те времена музыкальное устройство – *патефон*, которое было перенесено Хью Эплином в английский перевод в форме *gramophone*, что говорит в данном случае о следовании стратегии доместикации, т.к. по сути произошла видо-родовая замена: патефон – это всего лишь переносная, а не полноценная версия граммофона, прижившаяся в СССР.

А вот в следующем примере переводчик даже совершил ошибку, решив применить кажущийся очевидным на первый взгляд дословный перевод. Приведем для наглядности оригинальные строки произведения: *Николай Иванович, где вы? Что это за фантазии? Малярию хотите подцепить?*

Конечно же, для русскоязычного читателя очевидно, что речь не идет об инфекционном заболевании, передаваемым малярийными комарами, а о так называемой «простуде на губах», которую в народе называют *малярией*. В пе-

реводе же видим: *Nikolai Ivanovich, where are you? What are these fantasies? Do you want to catch malaria?* В англоязычной среде выделенная единица обозначает только описанное ранее инфекционное заболевание, следовательно, буквальный перевод здесь был особо неуместен.

Также обратим внимание на следующий пример: «*Горько! Горько!*» – *завыл Коровьев, как шафер на старинной свадьбе*. В русской традиции свадебных торжеств гостям праздничного застолья принято кричать «Горько!» молодым, этимология чего имеет множество объяснений. Очевидно, что в английской действительности подобного ритуала нет и даже отсутствует схожий аналог, что вынудило Хью Эплина оставить перевод буквальным: “*It makes me bitter! Bitter! Bitter!*” *Korovyev howled, like an usher at an old-time wedding*. Заметим, что в сноске приводится пояснение.

Далее обратимся к еще одной категории реалий – **идиомам**. При их переводе Хью Эплин в основном следовал принципам доместикации (7 подобных случаев из 10) и находил в английском языке аналоги с тем же контекстом. В качестве примеров приведем следующие: рус. *как сквозь землю провалился* = англ. *vanished into thin air*; рус. *начальству втирают очки* = англ. *pulling the wool over their superiors' eyes*; рус. *свой глазок – смотрок* = англ. *your own eye's the best spy*; рус. *а на нем и куда нет* = англ. *and what can't be cured must be endured*; рус. *сиди там тише воды, ниже травы* = англ. *stay there as quiet as a mouse*.

Но при этом иногда перевод характеризовался буквальностью, вызванной наличием подобного выражения в английском языке: рус. *без оглядки* = англ. *without a backward glance*; рус. *лезть в дебри* = англ. *clamber into thickets*; рус. *отколоть шутку* = англ. *wheele out the trick*.

Однако отметим, что при использовании и форенизации, и доместикации, перевод звучал достаточно аутентично.

И последней категорией стала группа лексических единиц, связанных с **диалектами, особенностями речи** героев, экспрессивными выражениями и т.д.

Конечно же, в целях передачи определенных эмоций персонажей целесообразней было отдать предпочтение стратегии доместикации, как и поступил Хью Эплин. Так из 27 лексических единиц 21 была переведена именно с помощью этой стратегии.

В основном в эту категорию попали различные восклицания, возгласы удивления, чертыхания, каждому из которых переводчик подобрал англоязычный аналог: рус. *Фу ты черт!* = англ. *Well I'll be damned!*; рус. *На тебе!* = англ. *Well there you are!*; рус. *Караул!* = англ. *Help!*; рус. *Брысь!* = англ. *Shoo!*; рус. *Тю!* = англ. *Cor!*; рус. *Батюшки!* = англ. *Good gracious!*; рус. *Угу, угу* = англ. *Aha, aha*; рус. *Тсс!* = рус. *Ssh!*

Особенно интересно наблюдать, как Хью Эплин справлялся с чисто русскими выражениями, например, с таким как *Здравствуйте, я ваша тетя!*, выражающими удивление от происходящего. Фраза настолько прижилась в народе, что даже стала названием одноименного фильма 1975 года. Очевидно, что дословный перевод в данном случае был неуместен, так что переводчик адаптировал это выражение до формы *Well I never!*, наполненной той же эмоциональностью.

Однако при рассмотрении следующего примера мы столкнулись с недостаточностью переводческой проницательности, т.к. только русскоязычный человек может возмущенно воскликнуть «*А за квартиру Пушкин платит бюджет?*», при этом мало ссылаясь на знаменитого русского поэта, а всего лишь удивляясь чьему-то намерению снять с себя ответственность. В переводе же Эплина видим: “*And who's going to pay for the apartment – Pushkin?*” Сноской данный вопрос не наделяется, так что читателю приходится лишь догадываться о распространенности выражения в русскоязычной среде.

Подводя итоги проведенного анализа перевода романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргариты», приведем следующую диаграмму (Рис. 1):

Как видим, показатели применения доместикации и форенизации почти сходятся с небольшим перевесом в пользу последней стратегии. Можно предположить, что такое предпочтение форенизации у переводчика объясняется тем, что Хью Эплин максимально пытался передать в трансляте атмосферу советской Москвы, дух ее людей и их поведенческие и культурные особенности.

Вышеперечисленные примеры перевода культурных реалий показывают, что в большинстве случаев следование принципам форенизации было уместно, особенно когда переводчик использовал сноски, в которых приводил все необходимые объяснения. Конечно же, были и неудачные случаи выбора в пользу форенизации, являющиеся следствием недостаточной осведомленностью Эплина отдельных нюансов русской культуры.

Полученные результаты также демонстрируют, что множество найденных лексических единиц были переданы с помощью переводческих приемов, маркирующих стратегию доместикации. И опять же подчеркнем, что среди них встречаются как адекватные примеры перевода, так и нецелесообразная увлеченность доместикацией, приводящей к подмене понятий.

Дополнительно отметим, что категориями, реалии которых были переведены в основном (или целиком) с помощью форенизации стали категории топонимов, антропонимов, художественных произведений, исторических понятий. Категориями же с преимущественным использованием доместикации в переводе стали группы лексических единиц, связанных с материальной культурой, бытом, системами измерений, идиоматическими выражениями и особенностями речи. А вот в категории названий организаций и должностей форенизация и доместикация были представлены в равной степени.

С более подробными показателями можно ознакомиться в Приложении 1.

2.2. Анализ повести и рассказов А.К. Дойла о Шерлоке Холмсе

Роль Артура Конана Дойла среди представителей английской литературы всегда вызывала достаточное количество споров, т.к. многие критики зачастую не относят его произведения детективного жанра к так называемой «серьезной», классической литературе, сравнимой с Ч. Диккенсом или Р. Кипплингом.

Однако нельзя не отметить тот факт, что герои литературного цикла о приключениях знаменитого английского сыщика полюбились многим читателям со всего света, охотно знакомящимися с рассказами Дойла как в оригинале, так и в переводе.

Кроме того, очевидной является и художественная ценность рассказов и повестей о Шерлоке Холмсе – ведь это, по сути, открытая книга английской действительности с ее уникальной атмосферой XIX-XX столетий. В пользу такого описания произведений говорит огромное количество интересных в рамках нашего исследования культурных реалий, отражающих характеристики самых разных сторон жизни англичан викторианской эпохи.

Библиография Шерлока Холмса насчитывает 60 произведений, создававшихся на протяжении с 1887 до 1927 года, что, очевидно, представляет огром-

ный пласт английской литературы, который стал интересен не только для родной страны А.К. Дойла, но и для множества стран всего мира.

Конечно же, такая популярная литература стала объектом интереса и для переводчиков, создавших самые разнообразные варианты переводов «холмсианы». Но мы в целях своей работы выбрали перевод В.А. Михалюка, который с особой тщательностью подошел ко всему циклу. В число же других переведенных им произведений вошли работы Брэма Стокера, Эдгара Аллана По, Г.К. Честертона и т.д.

В результате проведенного анализа повести «Этюд в багровых тонах» и двух рассказов «Скандал в Богемии» и «Приключения голубого карбункула» А.К. Дойла на наличие в них культурных реалий мы обнаружили 205 подобных лексических единиц, которые затем были распределены по десяти категориям, а их переводы были рассмотрены с точки зрения следования переводчиком стратегии форенизации или доместикации.

Таким образом, к первой категории **топонимов** мы отнесли 27 реалий и, как и при анализе «Мастера и Маргариты», пришли к выводу, что выбор переводчика при передаче единиц данной группы падает в основном на форенизацию. Более того, если при переводе романа М.А. Булгакова Хью Эплин перевел родовую составляющую топонима на английский язык, то Михалюк транслитерирует и именную часть, и родовую, в результате чего мы получаем следующие примеры: англ. *Tottenham Court Road* = рус. *Тоттенхем-Корт-роуд*; англ. *Goodge Street* = рус. *Гудж-стрит*; англ. *Baker Street* = рус. *Бейкер-стрит*; англ. *Audley Court* = рус. *Одли-Корт*, англ. *Kennington Park Gate* = англ. *Кеннингтон-парк Гейт*, англ. *Holland Grove* = рус. *Холланд-гров*, англ. *Torquay Terrace* = рус. *Торки-террас* и т.д. Лишь в двух случаях Михалюк решил перевести на русский язык и родовую часть топонима: англ. *Covent Garden Market* = рус. *рынок Ковент-Гарден*, англ. *Waterloo Bridge* = рус. *мост Ватерлоо*. Однако, так или иначе и эти примеры являются отражением форенизации.

Такой подход переводчика возможно объясняется тем, что английский язык стал неотъемлемой частью нашей жизни и многие англоязычные понятия не вызывают у читателя трудности, при этом сохраняется определенный колорит текста.

Тем не менее, форенизация была превалирующей стратегией Михалюка и при переводе односоставных топонимов – таких как названия британских городов, графств и лондонских районов. Иногда для облегчения понимания реципиентом текста переводчик использовал транслитерацию и прибегал к сноскам с довольно подробными пояснениями: например, в оригинальном тексте встречается название города Нетли (англ. *Netly*) и графства Нортумберленд (англ. *Northumberland*) и в переводе в обоих случаях в конце страниц следует краткая информация о расположении этих территориальных единиц.

Но в некоторых случаях такие переводческие пояснения отсутствуют, и вот тогда читателю приходится либо ориентироваться на собственные фоновые знания, либо обращаться к дополнительной литературе. В качестве примеров приведем следующие: англ. *Peckham* = рус. *Пекхэм* (лондонский район, о чем в переводе упоминания нет) и англ. *the Strand* = рус. *Стрэнд* (опять же отсутствует объяснение того, что это центральная улица Лондона).

Однако по сравнению с переводом «Мастера и Маргарита» Эплина, где в данной категории все единицы были переведены с помощью форенизации, в трансляте Михалюка мы обнаружили два случая следования принципам доместикации: адаптация топонима *Lauriston Garden* до формы *Лористонский сад* с прибавлением к английской основе именной части русского окончания и расширенный перевод слова *Camberwell* = рус. *на юге Лондона, в районе Камбервелл*.

Следующая категория **антропонимов**, представленная 11 лексическими единицами, также немного отличается от той, что была представлена в «Мастере и Маргарите»: там у переводчика не нашлось места для доместикации, два примера которой удалось обнаружить в переводе Михалюка рассказов А.К.

Дойла: это русскоязычная адаптация английского имени *Alice* до его русской формы – *Алиса*, а также не совсем уместная, на наш взгляд, адаптация имени *Epoch* до формы *Енох*, которая берет свое начало от имени библейского персонажа, отсылки на которого в оригинальном тексте нет.

Другие же имена в большинстве своем были орфографически адаптированы в соответствии с их английским произношением: англ. *Stamford* = рус. *Стэмфорд*; англ. *Watson* = рус. *Ватсон*; англ. *Sherlock Holmes* = рус. *Шерлок Холмс*; англ. *Lestrade* = рус. *Лестрейд*; англ. *Tobias Gregson* = рус. *Тобиас Грегсон* и т.д.

Как и в случае с романом «Мастер и Маргарита», одной из наиболее широко представленных категорий выступила группа **объектов материальной культуры** (40 реалий). Интересно, что опять же количество единиц, переведенных с помощью доместикации, немного превышает неадаптированный перевод – их общее количество составило 23. Такой подход возможно вызван намерением переводчика донести до читателя иностранную культуру, которая как раз и выражается в мелочах, отраженных в данной категории.

Конечно же, многие лексические единицы касались предметов одежды и материалов и были переданы в русском переводе либо привычными для русскоязычного реципиента понятиями (англ. *dressng-gown* = рус. *домашний халат*; англ. *billycock* = рус. *котелок*; англ. *coat/ frock-coat* = рус. *сюртук*; англ. *top hat* = рус. *цилиндр*; англ. *waistcoat* = рус. *жилет*; англ. *cravat* = рус. *шарф*), либо методами описательного перевода (англ. *Scotch bonnet* = рус. *шотландская шапочка с кисточкой*), а в одном случае реалия и вовсе была опущена (англ. *neckcloth* (шейный платок)).

Однако нами были зарегистрированы примеры следования форенизации при переводе данной подгруппы: транслитерация обозначения длинного пальто, название которого происходит от одноименной провинции Ирландии – *ulster* = рус. *ольстер*, а также наименование определенного типа кожи – *Russian*

leather, которое ошибочно было переведено дословно – *русская кожа*, хотя у этого материала есть другое русское название – юфта.

При анализе данной категории нами было также отмечено несколько единиц, обозначающих традиционные алкогольные напитки: англ. *brandy* = рус. *бренди* (вспомним, что в переводе «Мастера и Маргариты» этим напитком обозначали коньяк); англ. *gin* = рус. *джин* – как видим, на лицо применение форенизации. Тем не менее, в следующем примере Михалюк немного адаптировал английскую традицию разбавлять виски водой (англ. *whisky and water*) до более распространенного варианта коктейля – *виски с содовой*.

Также довольно много в оригинальном тексте встречается название видов транспорта. Подход к их переводу довольно различен, есть даже случаи разного перевода одной и той же лексической единицы: например, в одном месте мы столкнулись с адаптированной передачей обозначения открытой кареты *brougham* – в переводе видим *карета* (доместикация), чуть позже же встречаем довольно редкую форму *брум* (форенизация).

Очевидным случаем применения форенизации также выступило использование уже широко известного обозначения лондонского такси – *кеб*. Такой перевод применялся и к его изначальной английской форме (*cab*), так и к разговорной (*four-wheeler*).

Среди других видов транспорта мы также встретили четырехместную повозку *landau* (рус. *ландо* – маркер форенизации) и двухколесный экипаж *hansom* (рус. *двуколка* – разговорная форма как применение доместикации). В этом ряду также отдельного упоминания стоит обозначение лондонского метро – *Underground*, которое Михалюк в своем трансляте передал в привычной нам форме – *подземка*.

Кроме перечисленных примеров в эту категорию мы отнесли и названия различных печатных изданий, все их которых были переданы с помощью полной транслитерации: англ. *Globe* = рус. «Глоб»; англ. *Star* = рус. «Стар»; англ.

Pall Mall = рус. «Пэлл-Мэлл»; англ. *St. James's* = рус. «Сент-Джеймс»; англ. *Evening News Standard* = рус. «Ивнинг-ньюс-стандард». Единственным примером перевода названия стал случай с распространенным в народе обозначением газеты «*Sporting Life*», которую за печать на розовой бумаге прозвали «*Pink'un*», что и отразилось в переводе, где видим – «Розовая». Причем никаких дополнительных комментариев переводчик не дает, и даже из самого текста читателю не совсем ясно, что речь идет именно о газете.

В отличие от романа М.А. Булгакова, рассмотренного ранее, в рассказах о Шерлоке Холмсе почти не встречаются названия блюд, которые стали бы неотъемлемой частью этой категории. Единственным обнаруженным примером стали употребляемые героями на завтрак тосты (англ. *toasts*), которые в русском транслите превратились в *гретки*.

Зато в следующей группе слов, касающихся **единиц измерений**, найденных в тексте оригинала реалий оказалось чуть больше. Нам удалось обнаружить две единицы веса (англ. *pounds* = рус. *фунты*; англ. *grain* = рус. *гран*), а также две меры длины (англ. *feet* = рус. *фут*; англ. *yard* = рус. *ярд*). Как это наглядно демонстрируют примеры, форенизация стала преимущественной стратегией при переводе этой категории. Единственное, стоит отметить, что только в случае с *футами* в сноске была приведена конвертация в метрическую систему.

Далее перейдем к анализу категории **названий различных ведомств**, а также **должностей**. Всего нами было отобрано 16 единиц, 7 из которых были переведены с помощью форенизации, оставшиеся же 9 – путем доместикации.

Конечно же, из-за детективного жанра и тесной связи повествования с расследованиями и полицейскими структурами в рассказах А.К. Дойла часто встречаются соответствующие реалии, подход к переводу которых отличался от одной лексической единицы к другой. Так, к примеру, слова *police* и штаб-квартира этого лондонского ведомства *Scotland Yard* перешли в русский перевод как *полиция* и *Скотленд-Ярд* соответственно. Заимствована была и долж-

ность *constable* (рус. *констебль*), которая является характерной только для англоязычных стран. При этом самая часто встречающаяся в тексте профессия *detective* была адаптирована до русского аналога – *сыщик*, как себя именует русский Шерлок Холмс. Доместикации также подверглась одна из низших полицейских должностей – англ. *man on the beat* = рус. *патрульный*.

Здесь же и появлялись примеры из английской судебной практики. Возьмем, к примеру такой термин, как ассизы (англ. *Assizes*) – так до 1972 года в Англии и Уэльсе называли выездные сессии суда присяжных. Михалюк же решил не вдаваться в исторические подробности и генерализировал это понятие до простого *суда*. То же случилось и с английскими присяжными – *jury*, которые в русском переводе были заменены на *прокурора*.

Теперь обратимся к следующей категории отсылок на **художественные произведения**. Лексические единицы этой группы не были широко представлены: 6 случаев, только 1 из которых был отнесен к переводу по принципам доместикации. Речь идет о следующем отрывке: *He can't be quite in the sere and yellow*. Такая характеристика человека напрямую заимствована из знаменитой трагедии Уильяма Шекспира «Макбет»: “I have liv'd long enough: my way of life / Is fall'n into the sear, the yellow leaf” [45]. В переводе Ю.Б. Корнеева читаем: «Немало пожил я: уже усеян / Земной мой путь листвою сухой и желтой» [19]. Таким образом, можно сделать вывод, что речь идет об описании преклонного возраста человека, и Михалюк не стал ссылаться на Шекспира и перевел фразу в общих чертах: *Вряд ли окажется дряхлым стариком*.

Следующие же примеры являются отражением форенизации. Здесь есть и цитата английского поэта Александра Поупа: *The proper study of mankind is man* (рус. *Подлинное познание всего человечества – это познание одного человека*), при этом упоминание об этом вынесено в переводе в сноску. Встречаются и отсылки на героев английской литературы: англ. *Edgar Allan Poe's Dupin* (рус. *Дюпен из рассказов Эдгара Аллана По*, но отсутствует сноска на пояснение того, что это именно сыщик, то есть «коллега» Холмса), англ. *Gaboriau's works*;

Lesog = рус. *Габорио*; *Лекок* (снова нет важных в этом случае комментариев, т.к. персонаж детективов французского писателя Эмиля Габорио, Лекок, во многом вдохновил А.К. Дойла на создание Шерлока Холмса). И также нельзя не упомянуть фразу Холмса, скучающего в «Скандале в Богемии» без компании верного друга Ватсона: *I am lost without my Boswell*. Таким образом, Холмс называет Ватсона своим биографом, сравнивая его с Джеймсом Босуэллом, шотландским мемуаристом, ставшим знаменитым благодаря двухтомной биографии «Жизнь Сэмюэла Джонсона». В переводе отсылка на эту известную в англоязычной среде личность сохраняется – *Мне как-то не по себе без своего Босуэлла* – и не дополняется какими-либо комментариями, ставя читателя в тупик.

Не очень много лексических единиц оказалось и в категории различных слов, связанных с **историческими событиями**: 6 реалий. Здесь мы можем ознакомиться с такими понятиями, как *Ghazis* (рус. *гази*), участники «священной войны» мусульман против «неверных», название которых было актуально в период ведения англо-афганской войны. Также герои часто ссылаются на свою родную страну, называя ее просто *the Empire*, и опять же в переводе мы видим буквальный перевод – *Империя* (даже без добавления прилагательного «Британская»). Кроме того, встречается и упоминание одного из английских монархов, в частности Карла I: *Charles's head was still firm on his shoulders when this little brown-backed volume was struck off*. В переводе имя короля приводится в соответствии с принятыми нормами перевода имен исторических личностей – Карл (*Когда был напечатан этот томик в коричневом переплете, голова Карла еще крепко сидела на плечах*), но в самом трансляте нет уточнения, какой именно Карл, об этом переводчик рассказывает только в сноске.

Особый интерес представляет следующий пример, который является единственным отражением доместикации в данной категории. В «Этюде в багровых тонах», когда персонаж Ватсона только-только начинает знакомиться с эксцентричным Шерлоком Холмсом, он говорит о нем, что тот обращается с

людьми *in cavalier style*. Для понимания такой характеристики стоит отметить, что понятие *cavalier* уходит корнями во времена Английской революции и обозначает английских роялистов, зачастую характеризовавшихся как напыщенных, разодетых богачей. Михалюк учел этот исторический контекст и в своем переводе поведение Холмса назвал *пренебрежительным*, тем самым убрав отсылку на сторонников Карла I.

Конечно же, самой широко представленной категорией, как и в случае с «Мастером и Маргаритой» стала группа лексических единиц, связанных с **повседневной жизнью** англичан и их привычками. Всего мы зарегистрировали 55 реалий, среди которых 33 были переведены посредством доместикации, а 22 – форенизации.

Для облегчения анализа входящие в эту категории слова целесообразно поделить на несколько наиболее ярко представленных подгрупп.

К примеру, возьмем для начала названия некоторых профессий. Как известно, под словом *barber* подразумевается парикмахер, обслуживающий именно мужчин и выполняющий, к тому же, роль бравурщика. В русском же переводе эти нюансы скрыты под использованием генерализированного слова *парикмахер*. А вот уже в следующем случае перевод наоборот был расширен: англ. *upper-attendant* = рус. *рассыльный, обслуживающий верхний этаж*. Встретился в этой подгруппе и пример форенизации: английское обозначение конюха, *groom*, было заимствовано в русский транслит в форме *грум*.

Очевидно, что в этой категории реалий также встретились многочисленные обозначения денежных единиц: как официальные названия английской валюты (англ. *pence* = рус. *пенсы*; англ. *sovereign* = рус. *соверен*; англ. *shillings* = рус. *шиллинги*; англ. *guinea* = рус. *гинея*), так и разговорные формы (англ. *five* = рус. *пять фунтов*), а также денежная единица Богемии, упоминающаяся в одном из рассказов: англ. *crow* = рус. *крона*. Как видим из примеров, только лишь в одном случае со словом *five* мы можем отчасти наблюдать применение расширенного перевода, свидетельствующего о доместикации. В остальных же

случаях все наименования перенесены в русский перевод в оригинальном виде и не дополняются комментариями или сносками.

Неожиданным образом в отдельную подгруппу нам пришлось выделить и породы собак, довольно часто встречающиеся в оригинальном тексте, что говорит о давней английской традиции разводить этих животных и использовать их как помощников на охоте. Так примерами форенизации нам послужили: англ. *terrier* = рус. *терьер*; англ. *bull* = рус. *бульдог*, к domestikации же мы отнесли переводы разновидностей гончих: англ. *foxhound* = рус. *гончая*; англ. *hound* = рус. *ищейка*; и используемые в контексте *staghounds: sprang upon him like so many staghounds* = рус. *вцепились в него, как охотничьи собаки в оленя*.

Привычно в данной категории обнаружилось и много лексических единиц, связанных с культурой питья алкогольных напитков. В оригинале встретилось как минимум два обозначения предназначенных для этих целей заведения: *liquor shops* и *gin palace*, и в обоих случаях эти реалии были переведены, как *кабак*. Зафиксировали мы и метафоричное обозначение *буфета с бутылками*, как это встречается у Михалюка, – *spirit case*, где *spirit* – это характерное для британцев обозначение крепких напитков [42]. Здесь же снова встречаем отсылку на культурную привычку разбавлять виски – *a glass of hanf and half*, и отмечаем описательный русский перевод – *стакан разбавленного виски*. Таким образом, приходим к выводу, что в данной подгруппе в переводе превалировала domestikация.

По принципам этой же стратегии были переведены и некоторые связанный со столицей Англией реалии. К примеру, у А.К. Дойла встречается так называемый *doctors' quarter*, и в переводе видим расширенный вариант – *квартал, в котором живут все преуспевающие врачи Лондона*. Кроме того, довольно часто герои называют столицу не просто *capital*, а *metropolis*, однако в переводе Михалюка это слово либо опускается, либо передается как просто *Лондон*.

И, наконец, хотелось бы отметить еще один интересный случай отражения английской действительности. В повести «Этюд в багровых тонах» Шерлок

Холмс призывает на помощь в расследовании свою «армию», как о них пишется в оригинале – *a dozen of the dirtiest and most ragged street Arabs*. Как видим, А.К. Дойл указал конкретную национальность служащих Холмсу ребят, которые, очевидно, являются детьми бедных мигрантов. В переводе же эта сторона жизни английской столицы утеряна, т.к. Михалюк называет их *оравой грязных уличных оборвышей*.

Анализ следующей категории показал, что преимущественной стратегией Михалюка при переводе **идиоматических выражений** стала доместикация, т.к. случаев применения форенизации зарегистрировано не было: все выражения были отражены в трансляте с помощью их русских аналогов (всего 25 лексических единиц).

Большой пласт данных реалий составили идиомы, основанные на сравнительных оборотах: англ. *it cuts into glass as though it were putty* = рус. *режет стекло, как нож масло*; англ. *as free as air* = рус. *чувствовал себя вольной птицей*; англ. *as thin as a lath* = рус. *высохли как щенка*; англ. *as brown as a nut* = рус. *загорели как пануас*; англ. *as jealous as a pair of professional beauties* = рус. *ревнивы, как девицы на выданье*. Как видим, буквализма в данных примерах не наблюдается, наоборот, переводчик заменяет оригинальное сравнение более привычными для русскоязычного читателя и яркими образами. А в некоторых случаях Михалюк и вовсе опускал сравнительный оборот, передавая в переводе только смысл фразы: англ. *They are as sharp as needles* = рус. *Все онимышленные ребята*; англ. *he answered us as bold as brass* = рус. *он мне заявил*.

В эту группу также вошло довольно много образных выражений, которые опять же были адаптированы до выражений, присущих русскому языку: англ. *Shillings have not been so plentiful with me as they once were* = рус. *Честно говоря, сейчас я немного на мели*; англ. *at your finger ends* = рус. *в своем распоряжении*; англ. *He got himself into a fog* = рус. *Последнее дело оказалось ему не по зубам*; англ. *to be a second nature* = рус. *войти в привычку*; англ. *have their knives into one another* = рус. *точат зубы друг на друга*; англ. *I am no chicken* = рус. *Я,*

знаете ли, стреляный воробей; англ. *I began to smell a rat* = рус. *Сразу же заподозрил, что дело тут нечисто*; англ. *on the brink of the grave* = рус. *одной ногой в могиле* и т.д.

И последняя категория **диалектов** и **особенностей речи** насчитывала 15 лексических единиц, переведенные Михалюком посредством разных подходов.

Так используемые героями латинские выражения были оставлены в своем оригинальном, даже не транслитерированном виде: англ. *disjecta membra* = рус. *disjecta membra*; англ. *status quo* = рус. *status quo*, что по сути характеризовало интеллектуальность героев.

Были сохранены и формы обращений персонажей, как видно из примеров: англ. *gentleman* = рус. *джентельмен*, англ. *sir* = рус. *сэр*; англ. *mister* = рус. *мистер*. Возможно, такой подход объясняется широкой распространенностью и узнаваемостью данных обращений за пределами английских речевых норм и являются ярким отражением описываемой культуры.

В случае же появления в тексте восклицаний персонажи или брани, переводчик старался заменить эти выражения русскими фразами с такой же эмоциональной наполненностью: англ. *By Jove* = рус. *Вот это да*; англ. *Poor devil!* рус. *Вот ведь не повезло!*; англ. *Brag and bounce!* = рус. *Самонадеянный позер!*; англ. *You hound!* = рус. *Пес шелудивый!*

Итак, окончательные итоги проведенного анализа повести «Этюд в багровых тонах» и рассказов «Приключения голубого карбункула» и «Скандал в Богемии» А.К. Дойла могут быть сведены в следующей диаграмме (Рис. 2):

Результат получился интересным, т.к. количество реалий, переведенных по принципам форенизации и доместикации, почти идентично друг другу.

Опять же оценка таких выводов варьируется в зависимости от каждого конкретного примера. Порой нам казалось, что Михалюк слишком увлекается форенизацией, что, к примеру, выразилось в его решении переводить даже родовую часть топонимов транслитерацией или оставлять некоторые английские реалии в орфографически адаптированном виде без каких-либо поясняющих комментариев. В других же случаях форенизация была неизбежная, как, например, при отражении в русском переводе отсылок на художественные произведения или использование исторических понятий.

Такое же двойственное восприятие формируется и при анализе тех реалий, которые были переведены Михалюком с помощью доместикации. В одном случае, это могла быть вынужденная мера (вспомним перевод идиом и особенностей речи), в другом же – выбор стратегии целиком зависел от предпочтений переводчика, который иногда по-разному подходил к переводу даже одной и той же реалии.

В дополнение следует отметить, что в общей сложности в число категорий, при переводе реалий которых отдавалось предпочтение форенизации, вошли топонимы, антропонимы, системы измерения, отсылки к художественным произведениям, исторические понятия и речевые особенности. В остальных же случаях выбор переводчика падал преимущественно на доместикацию.

Более подробная статистика приведена в Приложении 2.

Выводы по главе 2

Таким образом, подводя итоги анализа обоих переводов приведем следующие наблюдения.

Во-первых, как в случае с переводом «Мастера и Маргариты» Хью Эплина, так и в случае перевода рассказов о Шерлоке Холмсе В.А. Михалюка не наблюдалось четкого предпочтения в пользу той или иной стратегии. В результате обоих анализов были получены примерно одинаковое количество реалий, подвергнутых форенизации и доместикации. Мы объясняем такие выводы уникальностью каждого конкретного случая перевода лексической единицы, требующего особого рассмотрения и вынуждающего переводчика предпринимать разные действия в зависимости от целой группы факторов.

Во-вторых, мы пришли к выводу, что существуют определенные группы реалий, перевод которых должен так или иначе отвечать принципам той или иной стратегии, т.к. на это вынуждает их природа. Речь идет о топонимах и антропонимах, применение доместикации к которым почти невозможно и, что более важно, нерелевантно. Читателю ничего не остается делать, как сталкиваться с этими чужими для его языка единицами, и единственной помощью для облегчения его понимания текста могут выступить переводческие комментарии. Та же ситуация наблюдается и с категориями слов, связанных с материальной культурой, бытом, идиоматическими выражениями – здесь наоборот

важно продемонстрировать суть понятия (а где-то его эмоциональную наполненность), для чего в ход идут переводческие приемы, маркирующие доместикацию.

И в-третьих, обратим внимание на тот факт, что английский и русский переводы были схожи в своем следовании той или иной стратегии в зависимости от конкретной группы слов. Единственным небольшим отличием стала разница в подходе к переводу единиц измерения (в английском переводе единственная обнаруженная реалия была переведена с помощью доместикации, а в русском переводе все четыре единицы – путем форенизации), а также разное соотношение доместикации/форенизации при передаче особенностей речи в переводах Эплина и Михалюка («Мастер и Маргарита»: 21 реалия из 27 переведена с помощью доместикации; рассказы о Шерлоке Холмсе: 8 из 15 реалий – с помощью форенизации). Опять же такое отличие объясняется разными зависящими от контекста нюансами перевода конкретных примеров.

Заключение

Целью данной работы являлось проведение сравнительного анализа особенностей использования доместикации и форенизации при переводе встречающихся в художественных произведениях культурных реалий. В ходе проведенного исследования цель была достигнута, а все поставленные задачи решены.

При анализе научного материала мы рассмотрели взгляды разных лингвистов на такие понятия, как доместикация и форенизация, а также на их роль в процессе перевода. В ходе изучения научных трудов мы пришли к выводу, что на самом деле суть этих лингвистических терминов уходит корнями в прошлое, в частности в древнюю полемику переводчиков о буквализме и вольном переводе. При этом сами термины были введены в языкознание американским ученым Лоуренсом Вентури.

Для того чтобы облегчить процесс определения принадлежности перевода к той или иной стратегии целесообразным было выделить характерные для каждой из них переводческие приемы. В этих целях нами были изучены труды некоторых языковедов, которые выделяли в своих работах маркеры доместикации или форенизации. В результате, сделанные нами выводы по данному вопросу были объединены в единую таблицу, отражающую, какие именно переводческие приемы могут считаться признаками применения доместикации, а какие – форенизации.

Конечно же, в рамках проведения исследовательской работы актуальным было для нас и понятие «культурная реалья». Опять же описание этого явления было темой работ многих лингвистов и зачастую оно скрывалось под самыми разнообразными названиями, все из которых так или иначе описывали лексическую единицу, представляющую переводческую трудность из-за своей непосредственной связи с культурой языка оригинального текста.

Очевидно, что подобные слова и выражения составляют огромный пласт лексики любого языка, который можно поделить на несколько категорий. После изучения некоторых лингвистических исследований, приводящих подобные классификации, мы свели полученные сведения в собственную классификацию, состоящую из 10 категорий реалий.

Таким образом, накопленный теоретический материал послужил нам базой для проведения анализа перевода на английский язык романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», а также перевода на русский язык повести «Этюд в багровых тонах» и рассказов «Приключения голубого карбункула» и «Скандал в Богемии» А.К. Дойла, входящих в цикл произведений о Шерлоке Холмсе.

Данные художественные тексты были проанализированы на наличие культурных реалий, которые мы распределили по составленной классификации. Затем к каждой отобранной реалии был приведен соответствующий ей перевод, сигнализирующий о применении либо доместикации, либо форенизации.

В общей сложности было отобрано 239 лексических единиц в тексте романа «Мастер и Маргарита» и 205 – в выбранных произведениях А.К. Дойла.

При этом полученные результаты продемонстрировали нам, что и английский, и русский переводчики почти в равной степени применяли и ту, и другую стратегию. Сходство прослеживалось даже в подходе к переводу определенной категории реалий. Заметим, что в обоих переводах также наблюдались удачные и неудачные случаи выбора стратегии.

Такие выводы вероятно говорят о том, что в современной переводческой практике сложился некий баланс между ролью доместикации и форенизации, т.к. нельзя с четкой ясностью сказать, применения какой из этих стратегий правильно и адекватно – многое зависит от контекста и характеристики самой реалии. Кроме того, определенную роль играет и прогрессирующее взаимопроникновение культур, расширяющее возможности и выбор переводчика.

Библиография

1. Берман А. Испытание чужим. Культура и перевод в романтической Германии / А. Берман // Логос. Философско-литературный журнал. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2011. – №5-6. – С.93-113.
2. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита / М.А. Булгаков. – Москва: Эксмо, 2011. – 480 с.
3. Гарусова Е.В. «Буквализм» и «вольность» как основная переводческая оппозиция / Е.В. Гарусова // Вестник Воронежского государственного университета. – Воронеж, 2007. – № 1. – С. 149-153.
4. Дойл А.К. Приключения голубого карбункула / А.К. Дойл // Приключения Шерлока Холмса. – Белгород: Клуб семейного досуга, 2016. – С. 142-163.
5. Дойл А.К. Скандал в Богемии / А.К. Дойл // Приключения Шерлока Холмса. – Белгород: Клуб семейного досуга, 2016. – С. 5-28.
6. Дойл А.К. Этюд в багровых тонах / А.К. Дойл. – Белгород: Клуб семейного досуга, 2016. – С. 43-208.
7. Евсюнина Т.С. Викторианская Англия в исходном и переводном тексте: слова-реалии в рассказах о Шерлоке Холмсе и их передача на русский язык / Т.С. Евсюнина // Вестник Московского государственного областного университета. – Москва, 2014. – № 1. – С. 81-85.
8. Карлова О.А. Features of the author's worldview in the novel by Mikhail Bulgakov "The Master and Margarita" / О.А. Карлова, Н.П. Копцева // 4TH INTERNATIONAL MULTIDISCIPLINARY SCIENTIFIC CONFERENCE ON SOCIAL SCIENCES & ARTS SGEM 2017: Science and Arts. – 2017. – Т. 6 (№ 1). – С. 195-200.
9. Кашкина А.В. Будущее время и выражение намерения (на материале романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его переводов) / А.В. Кашкина // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации».

- Тверь, 2015. – № 4. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/041/04_41.pdf, дата обращения 01.11.2018.
10. Кулманкова Д.А. Стратегии доместикации и форенизации при переводе художественного произведения (на материале романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его перевода на французский язык) / Д.А. Кулманкова, Л.А. Спектор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 10. – С. 128-131.
11. Мишаненкова Е.А. Шерлок Холмс по-русски, ошибки перевода / Е.А. Мишаненкова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/232721>, дата обращения 20.02.2019.
12. Мосиенко Л.В. Лингвокультурологическая проблема классификации реалий / Л.В. Мосиенко // Вестник Оренбургского государственного университета. – Оренбург, 2005. – № 11. – С. 155-161.
13. Опанасенко Ю.В. Реалии в переводах детективных рассказов А. Конан Дойла / Ю.В. Опанасенко // Иностранные языки в высшей школе. – Рязань, 2014. – № 4. – С. 21-27.
14. Сдобников В.В. Теория перевода: учебник для студентов лингв. вузов и факультетов ин. языков / В.В. Сдобников, О.В. Петрова. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 448 с.
15. Солодуб Ю.П. Теория и практика художественного перевода: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Ю.П. Солодуб, Ф.Б. Альбрехт, А.Ю. Кузнецов. – М.: Изд. центр «Академия», 2005. – 304 с.
16. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru>, дата обращения 20.03.2019.
17. Томахин Г.Д. Теоретические основы лингвострановедения: автореф. дис. д-ра филол. наук / Г.Д. Томахин. – Москва, 1984. – 35 с.
18. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): Для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. / А.В.

- Федоров. – М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
19. Шекспир У. Макбет / У. Шекспир [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/makbet1.txt>, дата обращения 20.03.2019.
 20. Шелестюк Е.В. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки / Е.В. Шелестюк, Э.Д. Гриценко // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки (вып. 100). – Челябинск: Издательство Челябинского государственного университета, 2016. – №4. – С. 202-207.
 21. Шлейермахер Ф.Д. О разных методах перевода: лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. / Ф.Д. Шлейермахер // Вестник Московского университета. – Серия 9 «Филология»: Науч. журнал, 2000. – № 2 . – С. 127-145.
 22. Ярославцев С. Английские переводы «Мастера и Маргариты» / С. Ярославцев [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://perevod99.blogspot.com/2009/01/blog-post_06.html, дата обращения 15.01.2019.
 23. Aixelá J.F. Culture-specific items in translation / J.F. Aixelá // Translation, Power, Subversion. – Clevedon, 1996. – P. 52-78.
 24. Baker M. In Other Words: A Coursebook on Translation / M. Baker. – London: Routledge, 2011. – 332 p.
 25. Bastin G.L. Adaptation / G.L. Bastin // Routledge encyclopedia of translation studies. – London: Routledge, 1998. – P.5-8.
 26. Bulgakov M. The Master and Margarita / M. Bulgakov. – London: Oneworld Classics, 2008. – 432 p.
 27. Carrubba M. A sociological reading of Mikhail Bulgakov's The Master and Margarita / M. Carruba [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.academia.edu/32777604/A_sociological_reading_of_Mikhail_Bulgakovs_The_Master_and_Margarita, дата обращения 30.03.2018.

28. Doyle A.C. The Adventure of the Blue Carbuncle / A.C. Doyle [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/The_Adventure_of_the_Blue_Carbuncle, дата обращения 01.03.2018.
29. Doyle A.C. The Study in Scarlet / A.C. Doyle [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://en.wikisource.org/wiki/A_Scandal_in_Bohemia, дата обращения 10.01.2019.
30. Doyle_AC [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.acdoyle.ru/index.html>, дата обращения 20.10.2018.
31. Espindola E. Two facets in the subtitling process: Foreignization and/or domestication procedures in unequal cultural encounters / E. Espindola, M.L. Vasconcellos [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://periodicos.ufsc.br/index.php/fragmentos/article/download/8205/7689>, дата обращения 01.10.2018.
32. Harvey M. A Beginner's Course in Legal Translation: the Case of Culture-bound Terms / M. Harvey [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.tradulex.com/Actes2000/harvey.pdf>, дата обращения 01.09.2018.
33. Hatim B. Translation. An advanced resource book / B. Hatim, J. Munday. – London: Routledge, 2004. – 373 p.
34. Kuhiwczak P. A companion to translation studies / P. Kuhiwczak, K. Littau. – Clevedon: Multilingual Matters, 2007. – 181 p.
35. Laviosa-Braithwaite S. Universals of translation / S. Laviosa-Braithwaite // Routledge encyclopedia of translation studies. – London: Routledge, 1998. – P. 288-291.
36. Lefevere A. Translation/History/Culture: A Sourcebook / A. Lefevere. – London: Routledge, 2002. – 200 p.
37. Mikhail Bulgakov's Master & Margarita [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.masterandmargarita.eu>, дата обращения 01.12.2018.

38. Morton L. *The Alien Within: Representations of the Exotic in Twentieth-Century Japanese Literature* / L. Morton. – University of Hawai'i Press, 2009. – 253 p.
39. Munday J. *Introducing Translation Studies: Theories and Applications* / J. Munday. – London: Routledge, 2013. – P. 142-161.
40. Newmark P. *A textbook of translation* / P. Newmark. – New York and London: Prentice-Hall, 1988. – 311 p.
41. Nida E. *Toward a science of translating* / E. Nida. – Leiden, 1964. – 331 p.
42. Oxford Dictionaries | The World's Most Trusted Dictionary Provider [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.oxforddictionaries.com>, дата обращения 15.03.2019.
43. Razumovskaya V.A. *Estranging Strategy in Translation of "Strong" Texts of the Russian Culture* / V.A. Razumovskaya // *Mundo Eslavo*. – Granada, 2014. – № 13. – P. 177-192.
44. Robinson D. *Schleiermacher's Icoses. Social Ecologies of the Different Methods of Translating* / D. Robinson. – Bucharest: Zeta Books, 2013 – 350 p.
45. Shakespeare W. *Macbeth* / W. Shakespeare [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://shakespeare.mit.edu/macbeth/full.html>, дата обращения 20.03.2019.
46. Tomalin B. *Cultural awareness* / B. Tomalin, S. Stempleski. – London: Oxford University Press, 1994. – 168 p.
47. Valkova E. *On Theoretical Aspects of Translating Estrangement* / E. Valkova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – Krasnoyarsk, 2015. – № 8. – P. 2821-2831.
48. Venuti L. *The Translator's Invisibility* / L. Venuti. – London, New York: Routledge, 1995. – 365 p.

49. Yang W. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation / W. Yang // Journal of Language Teaching and Research. – ACADEMY PUBLISHER, 2010. – Vol. 1, no. 1. – P. 77–80.
50. Zare-Behtash E. A Diachronic Study of Domestication and Foreignization Strategies of Culture-Specific Items: in English-Persian Translations of Six of Hemingway's Works / E. Zare-Behtash, S. Firoozkoobi // World Applied Sciences Journal. – IDOSI Publications, 2009. – №7 (12). – P. 1576-1582.

График количественной информации о найденных реалиях в романе
«Мастер и Маргарита»

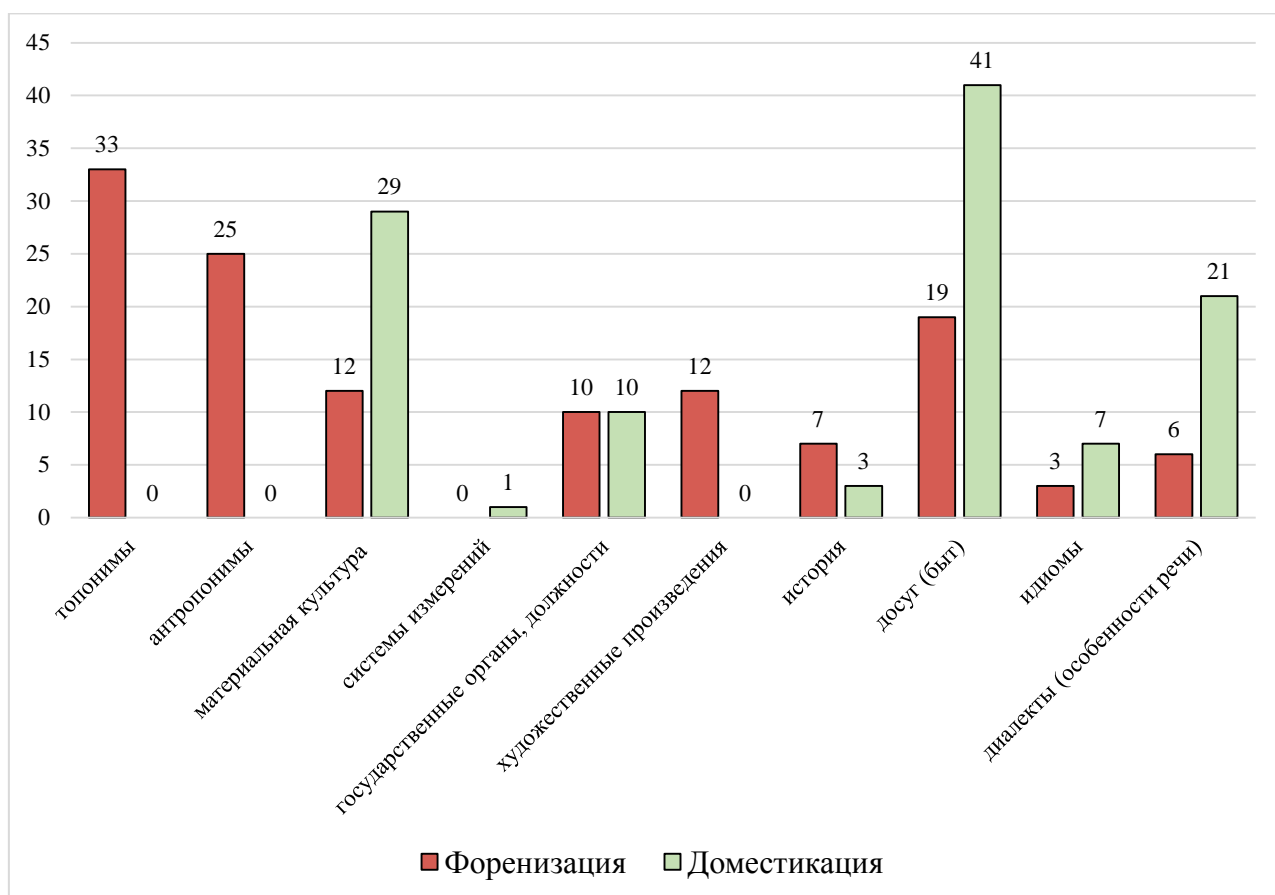

График количественной информации о найденных реалиях в повести «Этюд в багровых тонах» и рассказах «Приключения голубого карбункула» и «Скандал в Богемии»

